

АГАТА
КРИСТИ

Разбитое зеркало

А. КРИСТИ

РАЗБИТОЕ
ЗЕРКАЛО

РИГА «АВОТС», 1991

Agatha Christie
THE DEAD MANS MIRROR
Copyright ©

Издание подготовлено
при участии СП «Либра»

Редактор С. Макарова
Художник У. Сосновский

ИБ 2707
Агата Кристи
РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО

Редактор С. Макарова
Художник У. Сосновский

Сдано в набор 10.01.91. Подписано в печать 17.01.91.
Формат 84×108/32. Типографская бумага. Литератур-
ная гарнитура. Высокая печать. 4,20 усл. печ. л., 4,62
усл. кр.-отг., Тираж 250000 экз.
Заказ № 0011. Цена 2 руб. 50 коп.
Издательство «Авотс», 226050, Рига, бульвар Аспазияс,
24. Изд. № 5 Р1—1/91 СП «Либра».

Отпечатано в типографии издательства
Удмуртского обкома КПСС
426000, г. Ижевск, ул. Воткинское шоссе, 10 км,

К 4703010100—5 —91
М803 (11) — 91

© Винтер Г. Авторизованный перевод
на русский язык, 1991.

ISBN 5—401—00690—x

ГЛАВА I

Вся комната была обставлена современной мебелью, исключение составляли огромные старинные кресла с высокими прямыми спинками. В одном из них сидел пожилой мужчина с яйцеподобной головой. Мсье Пуаро внимательно читал только что полученное письмо:

«Мсье Эркюлю Пуаро.

Дорогой Сэр!

Дело необычайной важности побудило меня написать это письмо. В связи с тем, что я слышал о Вас очень хорошие отзывы, я счел возможным довериться Вам. У меня есть причины думать, что я оказался жертвой обмана, но по сугубо личным причинам я не могу обратиться в полицию. Я пытаюсь сам разобраться в сложившейся ситуации, но Вы должны быть готовы прибыть ко мне в любое время по получении моей телеграммы. На мое письмо Вы можете не отвечать.

С уважением

Жерве Шевени-Гор».

Мсье Пуаро с удивлением поднял брови.

— Кто же этот Жерве Шевени-Гор?

Он подошел к книжному шкафу и вынул большой, довольно потрепанный фолиант.

«Шевени-Гор, сэр Жерве Франсуа Ксавье, родился 18 мая 1878 года, старший сын сэра Ги Шевени-Гор и леди Клод Бретертон (вторая дочь графа Уоллингфирд). Женат в 1912 году на Ванде Элизабет, старшей дочери полковника Фредерика Арбатнот; окончил Итон; участвовал в войне 1914—1918 гг.; любимые занятия: путешествия, большая охота. Адрес: Хамборо, Вестшир; клубы: путешественников, кавалеристов.

Написанное не удовлетворило Пуаро, и он, покачав головой, подошел к письменному столу и, выдвинув ящик, достал оттуда пачку приглашений.

— Это то, что мне надо! Он должен обязательно там быть.

* * *

— Чудесно, что Вы смогли меня посетить, мсье Пуаро! — воскликнула герцогиня.

— Мадам, счастлив видеть вас, — склонился в поклоне Пуаро.

После того как он был представлен известному дипломату и популярной актрисе, ему, наконец, удалось найти человека, ради которого он сюда пришел, — мистера Саттертвейта.

— Герцогиня просто великолепна, — щебетал мистер Саттертвейт. — Я в восторге от ее приемов... Мы очень часто виделись с ней на Корсике.

Дальше мистер Саттертвейт принялся перечислять всех титулованных особ, с которыми он встречался во время своих путешествий. Ему, ярко выраженному снобу, тем не менее нельзя было отказать в наблюдательности, он прекрасно разбирался в человеческой натуре.

— Мой дорогой Пуаро, мне кажется, мы не виделись целую вечность. До сих пор не могу забыть то дело, когда мне посчастливилось наблюдать вас за работой. Между прочим, я видел леди Мэри на прошлой неделе. Очаровательная женщина!

Поболтав еще немного о скандальных происшествиях в высшем обществе, Пуаро удалось упомянуть, как бы между прочим, имя Жерве Шевени-Гор.

Саттертвейт молниеносно среагировал:

— Вот это характер! Вы знаете его прозвище! Последний Баронет!

— Извините, я не совсем вас понимаю.

— Это, конечно, шутка. Он не последний баронет в Англии. Он последний баронет своей эпохи. Он представляет тип баронета прошлого столетия, столь популярного в литературе того времени, — человека, который заключил немыслимые, фантастические пари и притом всегда их выигрывал. В молодые годы барон совершил круглосветное путешествие на своей яхте, участвовал в экспедициях на Северный полюс и был завзятым дуэлянтом. Кроме того, его имя связывалось с экстраординарными шутками: однажды он верхом на лошади въехал по лестнице во дворец к герцогу, а как-то в театре в середине акта выпрыгнул из своей ложи прямо на сцену и унес на руках примадонну. О нем ходили бесчисленные анекдоты.

— Он принадлежит к очень древнему роду, — продолжал мистер Саттертвейт. — Он из его предков участвовал в Первом Крестовом походе. Сейчас этот род угасает, и Жерве — последний его представитель.

— Барон обнищал?

— Нет. Он сказочно богат. Ему принадлежат богатейшие угольные копи где-то в Южной Америке, где он жил в юности. Удивительный человек. Ему всегда и во всем чертовски везло.

— Сейчас он, наверное, в преклонном возрасте?

— Да, — вздохнул мистер Саттертвейт, — многие считают, что он сошел с ума. Не верьте. Это не так. Просто он необычный, оригинальный человек.

— И его оригинальность с годами перешла в эксцентричность?

— Вы совершенно правы. Именно это с ним и произошло.

— Не страдает ли он манией величия?

— Именно так. Я думаю, для него весь мир делится на две категории: члены его семьи и все остальные.

— Преувеличенное чувство значимости своего рода?

— Да. Все они чертовски высокомерны, и для них существуют только их собственные законы. Послушали бы вы, как он говорит! Так, словно он — сам Господь Бог.

Пуаро понимающе кивнул.

— Я это понял, прочитав его письмо. Он не просил, он требовал исполнения своего желания.

— Королевский приказ, — усмехнулся мистер Саттертвейт.

— Вы очень точно определили. Он даже не допускает мысли о том, что я, Эркюль Пуаро, могу быть занят, что мне не удастся отложить свои дела и что я, в конце концов, не должен, как послушная собака, бежать по первому его зову.

Мистер Саттертвейт закусил губу, чтобы сдержать улыбку.

— Но если у него что-нибудь срочное?

— Не думаю. Он просто хочет иметь меня всегда рядом в своем распоряжении на тот случай, если что-нибудь с ним случится, — с возмущением возразил Пуаро.

— Значит, вы отказались?

— Пока у меня не было такой возможности.

— Но, вы собираетесь отказаться?

— Трудно сказать, — Пуаро задумчиво произнес, — первой моей мыслью было отказаться. Но что-то меня удержало. Мне трудно вам это объяснить.

Казалось, мистер Саттертвейт не удивился, услышав подобное объяснение, и только заметил:

— Это интересно.

— Мне кажется, — продолжал Пуаро, — барон принадлежит к легко ранимым людям.

— Уязвимым, — уточнил мистер Саттертвейт.

На какой-то момент он задумался и затем медленно произнес!

— Мне кажется, я понимаю, что вы имеете в виду. Барон одет в броню своей гордости, и она мешает ему видеть существующую опасность.

Пуаро кивнул головой.

— У него большая семья?

— Его жена, Ванда — дочь сэра Арбатнота. Красавица. Она предана Жерве душой и телом. К сожалению, очень увлечена аккультными науками. Носит различные амулеты, искренне верит в реинкарнацию и уверяет, что в прошлой жизни была царицей Египта.

Руфь, приемная дочь. У Жерве и Ванды своих детей нет. Руфь очень привлекательная, современная девушка. Вот и вся их семья, если не считать Гуго Трента, племянника Жерве. Полина Шевени-Гор вышла замуж за Реги Трента, и Гуго их единственный ребенок. Он сирота. Титул наследовать он не может, но, я думаю, ему перейдет большая часть наследства. Очень приятный юноша. Он служит в морских войсках.

Внимательно выслушав, Пуаро спросил:

— Думаю, сэр Жерве очень переживает, что у него нет наследника?

— Да. Это его больное место.

— Честь его семьи имеет для него громадное значение?

— Да.

Помолчав, мистер Саттертвейт с интересом спросил:

— Значит, вы считаете, у вас есть серьезная причина ехать к сэру Жерве?

— Нет, — медленно покачал головой Пуаро, — явных причин нет. Но, тем не менее, я поеду.

ГЛАВА II

Эркюль Пуаро сидел в углу купе скорого поезда. Задумчиво он вынул из кармана аккуратно сложенную телеграмму, развернул и снова перечитал:

«Садитесь на скорый шестнадцать тридцать. Потребуйте остановить экспресс в Уимперли. Шевени-Гор»,

Пуаро сложил телеграмму и спрятал ее в карман. Когда же проводник услышал о его желании сойти в Уимперли, то принял это как должное.

— Джентльмен едет в Хамборо Клоз? О, гости сэра Жерве всегда останавливают экспресс в Уимперли.

После этого разговора проводник два раза наведывался в купе Пуаро: первый раз — подтвердить, что поезд обязательно будет остановлен, и второй раз — извиниться, что поезд опаздывает на десять минут.

Выйдя на платформу, Пуаро увидел шофера в зеленой ливрее.

— Мистер Пуаро? Машина ждет вас.

Он принял у Пуаро его саквояж и пошел вперед к выходу из вокзала. На улице стоял огромный «Роллс-ройс». Шофер распахнул дверцу и, когда Пуаро сел, укрыл его ноги меховым покрывалом.

Поездка заняла около десяти минут. Машина въехала через огромные ворота, украшенные каменными грифонами, в парк и вскоре остановилась у дома. Дверь открыл дворецкий.

— Мистер Пуаро? Прошу вас сюда.

Он провел Пуаро через огромный холл и открыл дверь в комнату, где находилось несколько человек, одетых в вечерние костюмы и платья. Пуаро заметил, что его появление оказалось для всех неожиданностью. Глаза присутствующих были с удивлением обращены на него. Наконец, высокая черноволосая женщина сделала шаг в его сторону.

Пуаро поклонился.

— Примите мои извинения, мадам, но поезд немного опоздал.

— Нет, нет... — неуверенно произнесла леди Шевени-Гор, в замешательстве глядя на Пуаро. — Нет, мистер... Извините, я не расслышала ваше имя.

— Эркюль Пуаро, — отчетливо произнес он.

Очевидно, хозяина среди собравшихся не было.

— Мадам, вы знали, что я должен был приехать? — спросил Пуаро.

— О! Да... конечно... Но я такая невнимательная. Все, что я слышу, проходит мимо меня.

Затем, обведя глазами присутствующих, она сказала:

— Я надеюсь, вы со всеми уже знакомы?

Этой фразой леди Шевени-Гор избавила себя от утомительной процедуры представления всех гостей. Помедлив, она добавила:

— Моя дочь — Руфь.

Девушка, стоявшая рядом, была тоже высокой и темноволосой, но совершенно другого типа. Ее волосы, зачесанные назад, падали на спину пышными локонами. Она имела прекрасный цвет лица и напоминала чудесный цветок. Но кроме красоты она обладала, по видимому, и незаурядным умом.

— Как интересно! Отец приготовил нам такой сюрприз!

— Значит, вы ничего не знали о моем приезде, мадемуазель? — быстро спросил Пуаро.

— Абсолютно ничего.

Раздался удар гонга, и, открыв дверь, дворецкий сообщил, что обед подан.

Наблюдая за дворецким, Пуаро заметил, как на мгновение маска вышколенного слуги слетела с его лица и уступила место удивлению, свойственному обычному человеку. Но это продолжалось какую-то долю секунды.

Леди Шевени-Гор удивленно произнесла:

— Бог мой! Я ничего не могу понять!

Руфь повернулась к Пуаро.

— Дело в том, мсье Пуаро, что за последние двадцать лет мой отец никогда не опаздывал к обеду.

— Это удивительно! — леди Шевени-Гор никак не могла успокоиться, — Жерве никогда...

Пожилой мужчина с военной выправкой, улыбаясь, направился в ее сторону.

— Наконец-то он тоже стал опаздывать! Даю слово, ему это так не пройдет!

Понизив голос, леди Шевени-Гор с тревогой произнесла:

— Но, ведь, он никогда не опаздывал! Никогда!

За сдержанностью ее тона Пуаро почувствовал иск-

ренное беспокойство, и хотя он был в этом доме впервые, ему показалось странным, что хозяин дома, ожидавший его приезда, не появился, чтобы встретить своего гостя.

Тем временем стало совершенно очевидно: оказавшись в необычной ситуации, никто не знал, что предпринять.

Наконец, леди Шевени-Гор нарушила воцарившееся молчание:

— Снэлл, — обратилась она к дворецкому, — где ваш хозяин?

— Сэр Жерве без пяти пять спустился по лестнице и пошел в свой кабинет.

— Может быть, он не слышал гонга?

— Это невозможно, миледи. Гонг — рядом с кабинетом. Правда, я не уверен, что хозяин до сих пор в кабинете. Если вы не возражаете, я схожу туда.

— Конечно, конечно, Снэлл. Благодарю вас.

Когда дворецкий вышел, она сказала.

— Снэлл — просто находка. Я могу во всем на него положиться. Не представляю, что бы я без него делала!

Попытка разрядить обстановку оказалась тщетной: собравшиеся молчали. Эркюль Пуаро внимательно оглядел находившихся в комнате людей: все были в каком-то странном напряжении. Двое пожилых мужчин, один из которых имел выправку военного; двое юношей, разительно отличающихся друг от друга по типу. Один — высокомерный — был, очевидно, племянником сэра Жерве. Другой — явно относился к более низшему классу, чем все собравшиеся. Две дамы. Одна — среднего возраста, маленькая в очках. Другая — совсем юная девушка с пышными рыжими волосами.

В дверях появился Снэлл.

— Извините, миледи, но кабинет заперт.

— Почему заперт? — раздался взволнованный мужской голос, принадлежавший высокомерному юноше с зачесанными назад волосами. Он поспешно подошел к дворецкому и, обращаясь к леди Шевени-Гор, предложил:

— Может быть, мне пойти посмотреть?

Неожиданно, Эркюль Пуаро выступил вперед:

— Проводите меня, пожалуйста, в кабинет, — обратился он к Снэллу.

Он произнес это очень спокойно, никто из присутствующих даже не удивился тому, что едва прибывший

человек вмешивается в создавшуюся ситуацию. Снэлл направился к дверям холла в сопровождении Пуаро, а за ними, как послушное стадо овец, потянулись цепочкой все остальные. Остановившись у дверей кабинета, Пуаро попытался повернуть ручку. Дверь оказалась запертой. Он тихо постучал. Ответа не последовало. Тогда он стал стучать все громче и громче и вдруг, опустившись на колени, заглянул в замочную скважину.

Медленно поднявшись с колен, он обратился к присутствующим!

— Джентльмены, надо немедленно открыть дверь. Попытаемся взломать ее.

Двое молодых людей молча последовали его указаниям. Однако это оказалось делом непростым. Двери были сделаны прочно. Наконец, замок поддался, и дверь распахнулась. В первый момент все стояли у порога, как вкопанные, не решаясь войти в комнату. Кабинет был ярко освещен. Слева у стены стоял массивный письменный стол из красного дерева. В кресле рядом со столом виднелась фигура человека, сидевшего спиной к двери. Его голова и вся верхняя часть тела свесилась через подлокотник, рядом на ковре лежал маленький пистолет. Картина была ясна: сэр Жерве Шевени-Гор застрелился.

ГЛАВА III

Какое-то время все стояли, окаменев. Неожиданно Гуго Трент воскликнул:

— Боже мой, он застрелился!

Раздался раздирающий душу стон леди Шевени-Гор:

— О! Жерве! Жерве!

— Отведите леди Шевени-Гор в ее комнату, — быстро сказал Пуаро, — ей здесь нечего делать.

Пожилой мужчина с военной выправкой подошел к хозяйке дома.

— Пойдемте, Ванда. Пойдемте, моя дорогая. Вы тут ничем не можете помочь. Руфь, идите вместе с матерью.

Но Руфь, протиснувшись в комнату, приблизилась к Пуаро, склонившемуся над скрюченным телом. Понизив голос, она спросила:

— Вы совершенно уверены, что он мертв?

Пуаро с любопытством посмотрел на девушку. Выражение ее лица поразило его. Он не увидел горя. Нет! Скорее испуг и возбуждение.

Маленькая женщина в очках пробормотала, обращаясь к Руфи:

— Ваша матушка, дорогая. Не лучше бы вам...

Ее прервал истерический крик рыжеволосой девушки:

— Так это была не машина и не шампанское! Мы слышали звук выстрела!

Пуаро быстро повернулся к остальным:

— Срочно позвоните в полицию.

— Нет! Нет! — воскликнула Руфь.

— Боюсь, это неизбежно, — вмешался пожилой мужчина, похожий на юриста, — займитесь этим, Гуго.

— Вы — Гуго Трент? — спросил Пуаро, обращаясь к молодому человеку с усиками. — Желательно, чтобы все, кроме вас, покинули эту комнату.

Через минуту комната опустела. Остались только Пуаро и Гуго Трент. Молодой человек с удивлением посмотрел на Пуаро:

— Скажите, пожалуйста, кто вы? Я не имею ни малейшего представления. Что вы здесь делаете?

Пуаро протянул ему свою визитную карточку. Вглянувшись на нее, Гуго Трент спросил с еще большим удивлением:

— Частный детектив? Я о вас, конечно, слышал. Но, не понимаю, почему вы оказались здесь?

— Вы не знали, что ваш дядя пригласил меня?

Гуго покачал головой. Его лицо напоминало маску.

— Мне кажется, — продолжал Пуаро, — я знаком с вашим главным констеблем — майором Риддлем.

— Да. Он живет поблизости. Вероятно, он придет сюда сам.

— Прекрасно.

Во время разговора Пуаро ходил по кабинету. Раздвинув занавеси, он внимательно осмотрел балконные двери. Они были заперты. На стене за письменным столом висело зеркало в овальной раме. Оно было разбито. Наклонившись, Пуаро поднял с пола какой-то предмет.

— Что это? — поинтересовался Гуго Трент.

— Всего навсего пуля.

— Значит она прошла навылет через голову и разбилась зеркало?

— Выходит, что так.

Пуаро осторожно положил пулю на то же место, где она лежала.

Подойдя к столу, он внимательно посмотрел на разбросанные в беспорядке бумаги. Его внимание привлек лист, на котором большими буквами было написано всего одно слово: **ПРОСТИТЕ**.

— Возможно, он написал это как раз перед тем, как., — предположил Гуго.

Пуаро задумчиво кивнул. Он снова бросил взгляд на разбитое зеркало и затем на убитого. Нахмурившись, как бы недоумевая, он подошел к сорванной с петель двери. Ключа в двери не было. Пуаро вернулся к письменному столу и, нагнувшись, осмотрел карманы убитого.

— А, вот и ключ.

Закуривая сигару, Гуго сказал слегка охрипшим голосом:

— Кажется, все ясно. Дядя написал свое последнее слово на этом листе и потом застрелился.

Задумавшись, Пуаро смотрел на молодого человека, а тот продолжал:

— Но я не понимаю одного: зачем он пригласил вас? Что за всем этим кроется?

— Трудно сказать. Пока не приехала полиция, мистер Трент, прошу вас, вкратце расскажите, кто все эти люди, которых я видел здесь.

— Да-да, конечно. Только давайте присядем, — и он направился к кушетке, стоявшей в углу комнаты.

— Начнем с Ванды — она моя тетя. Руфь — моя кузина. Это вы знаете. Другая рыжеволосая девушка — Сусанна Кардвелл. Она сейчас здесь живет. Пожилой мужчина — полковник Бэрри. Он старый друг семьи. Другой — мистер Форбс — семейный адвокат и поверенный. Когда-то они оба были влюблены в Ванду и до сих пор являются ее преданными и верными поклонниками. Возможно, это выглядит смешно, но в то же время очень трогательно. Там были еще секретарь моего дяди — Годфри Бэрроуз и мисс Лингард. Ее пригласили, чтобы она помогла дяде писать историю семьи Шевени-Гор. Вот и все, что я могу рассказать.

Пуаро кивнул головой.

— Значит вы слышали звук выстрела?

— Да, мы все слышали. Но подумали, что открывают шампанское. Во всяком случае, так подумал я. Сусанна и мисс Лингард решили, что это машина: дорога проходит рядом с домом.

— Когда это произошло?

— Примерно в десять минут девятого. Снэлл только что первый раз ударил в гонг.

— А где все в этот момент находились?

— В холле. Мы как раз спорили — откуда шел этот звук. Я предположил, что из столовой, Сусанна утверждала, что со стороны гостиной, мисс Лингард считала, что откуда-то сверху, а Снэллу показалось, будто звук проник с улицы через окна наверху. Потом Сусанна спросила, нет ли еще каких-нибудь предположений, и мы все засмеялись, а я сказал, что это мог быть выстрел убийцы. Сейчас мне жутко вспоминать тот разговор.

Лицо его передернулось.

— И никому не пришло в голову, что сэр Жерве мог покончить с собой?

— Конечно, нет.

— И вы не имеете ни малейшего представления, — почему он это сделал?

— Дело в том... — в замешательстве медленно произнес Гуго.

— Значит, у вас есть какое-то предположение?

— Это трудно объяснить. Я, естественно, не мог даже предположить, что он способен на самоубийство. Но, тем не менее, я не очень поражен. Дело в том, что мой дядюшка был сумасшедшим, мсье Пуаро, и все об этом знали.

— И вы считаете, что это полностью объясняет случившееся?

— Мне кажется, что стреляются только ненормальные.

— Вы подходите ко всему с завидной простотой.

Гуго с удивлением посмотрел на Пуаро.

Пуаро встал и прошелся по кабинету. Он был обставлен в викторианском стиле: массивные книжные шкафы, огромные кресла, несколько стульев с прямыми спинками — настоящий Чиппендейл. Красивые бронзовые статуэтки на каминной доске привлекли внимание Пуаро. Он взял одну из них в руки и, внимательно осмотрев, заметил на ней маленький блестящий осколок. Осторожно подцепив ногтем, он стал его внимательно рассматривать.

— Что это? — с любопытством спросил Гуго.

— Всего навсего осколок зеркала.

— Странно, куда отлетел осколок, — удивленно произнес Гуго. — Бедный старый Жерве. Разбитое зеркало — плохая примета. Говорят, это — к несчастью, однако ему и так везло слишком долго.

— Ваш дядя был удачливым человеком?

— Необыкновенно. Все, к чему бы он ни прикасался, превращалось в золото! Если он вкладывал деньги в сомнительное предприятие, оно тут же начинало приносить буквально баснословные доходы. Кроме того, он чудом избегал всех опасностей. Даже тех, которые угрожали его жизни. Вообще он был славным человеком.

— Вы были привязаны к нему, мистер Трент?

Казалось, вопрос поставил Гуго в тупик.

— О, да... конечно, — неуверенно произнес он. — Дело в том, что временами с ним бывало очень трудно. К счастью, мне редко приходилось с ним общаться.

— А он вас любил?

— Если да, то это трудно было заметить! Скорее, он терпел мое присутствие.

— Я не совсем вас понимаю, мистер Трент.

— Дело в том, что у него не было своего собственного сына и он очень из-за этого переживал. Он был помешан на чести семьи.

Глава IV

— Ваше мнение? — обратился майор Риддль к врачу, который только что закончил осмотр тела.

— Смерть наступила примерно тридцать минут назад, но не более часа. Выстрел произведен в голову, пистолет держали на расстоянии нескольких дюймов от правого виска. Пуля прошла через голову.

— Похоже на самоубийство?

— Да. Тело осело в кресле, и пистолет выпал из руки.

— Вы нашли пулю?

— Да.

— Прекрасно. Мы отдаем ее и пистолет на экспертизу. Рад, что дело оказалось простым, и никаких трудностей не предвидится.

— Вы в этом абсолютно уверены, доктор? — тихо спросил Пуаро.

Помедлив, доктор неуверенно проговорил:

— Правда, имеется одно странное обстоятельство. Когда он стрелялся, он должен был слегка отклониться вправо. В противном случае пуля не попала бы в зеркало.

— Странная поза для самоубийства, — заметил Пуаро.

Доктор пожал плечами.

— Искать удобную позу, когда вы собираетесь покончить...

Доктор не закончил фразу.

— Можно убирать тело, доктор? — спросил майор Риддль.

— Да, я свое дело сделал.

— А как вы считаете, инспектор? — майор Риддль обратился к полицейскому в штатском.

— Да. Осталось только снять отпечатки пальцев с пистолета.

Когда тело унесли, Пуаро и начальник полиции остались вдвоем в комнате.

— Ну что ж, — сказал Риддль, — здесь все ясно. Запертая дверь, закрытые окна, ключ от двери в кар-

мане убитого. Все, как по учебнику. Неясен только один факт: как вы оказались здесь?

Вместо ответа Пуаро протянул майору письмо, которое он получил от убитого неделю назад, и телеграмму.

— Интересно. Значит, мы должны сделать все возможное, чтобы докопаться до сути. Я думаю, это имеет прямую связь с самоубийством.

— Я с вами полностью согласен, — кивнул Пуаро.

— Мы должны проверить всех, кто есть в доме.

— Я могу вам их всех назвать. Я только что поинтересовался этим вопросом. — Пуаро перечислил майору всех присутствующих.

— Возможно вы, майор, знаете что-нибудь об этих людях?

— Естественно. Леди Шевени-Гор тоже не совсем нормальна — на свой манер, как и ее покойный муж. Они были очень преданы друг другу. Люди смеются над ее странностями, она об этом знает, но не обращает внимания, она напроць лишена чувства юмора.

— Мисс Шевени-Гор их единственная приемная дочь?

— Да.

— Очень красивая девушка.

— Да. Кружит голову всем юношам. Прекрасная наездница: твердая рука и хорошая посадка.

— Думаю, этот вопрос нас сейчас мало интересует.

— Вы правы. Ну, а что касается остальных. Я хорошо знаю Бэрри. Он старый друг семьи и бывает здесь очень часто. Думаю, они с сэром Жерве были связаны делами в одной из компаний, где Бэрри был директором.

— А что вы скажете об Освальде Форбсе?

— Я с ним встречался только один раз.

— Мисс Лингард?

— Никогда о ней не слышал.

— Мисс Сусанна Кардвелл?

— Та хорошенькая рыжеволосая девушка? Я видел ее с Руфью несколько дней назад.

— Мистер Бэрроуз?

— Я его знаю. Он секретарь сэра Жерве. Между нами, мне он мало симпатичен. Довольно смазливый и слишком самоуверенный.

— Он долго работал у сэра Жерве?

— Около двух лет.

— Кого вы еще знаете из окружения сэра Жерве?

Разговор был прерван приходом высокого светловолосого молодого человека, быстро вошедшего в кабинет.

— Добрый вечер, майор Риддль. Мне сказали, что, сэр Жерве застрелился, и я сразу поспешил сюда. Это невозможно! Я просто не могу поверить.

— Да. Это правда, Лейк. Позвольте мне вас представить. Мсье Пуаро, это — капитан Лейк. Агент по недвижимости сэра Жерве. Мсье Эркюль Пуаро, о ком вы, наверное, слышали.

На лице Лейка отразилось восхищение.

— Мсье Пуаро? Я очень рад познакомиться с вами. Наконец... — он резко оборвал фразу и с тревогой спросил:

— Разве в его самоубийстве есть что-то подозрительное?

— Нет, нет, — поспешно сказал Пуаро, — я приехал сюда не по поводу самоубийства. Я уже был здесь, когда это случилось.

— Странно, он мне ничего не сказал о том, что ждет вашего приезда.

— Скажите, почему вас так поразил факт самоубийства сэра Жерве?

— Конечно, он был не совсем нормальным, но, я думаю, он считал, что без него мир просто перестанет существовать.

— Я вас понимаю, — Пуаро внимательно посмотрел на честное лицо молодого человека.

Майор Риддль откашлялся:

— Поскольку вы здесь, капитан Лейк, не могли бы вы присесть и ответить на некоторые вопросы?

— Конечно, сэр.

— Когда вы видели сэра Жерве в последний раз?

— Сегодня. Около трех часов. Нужно было обсудить некоторые счета. Кроме того, он решил вопрос о новом арендаторе для одной из ферм.

— Как долго вы у него пробыли?

— Около получаса.

— А теперь внимательно подумайте и скажите: не заметили ли вы что-нибудь необычное в его поведении?

Помолчав, молодой человек сказал:

— Нет. Ничего. Возможно, он был немного возбужден — но в таком состоянии я видел его довольно часто.

— Он не выглядел подавленным?

— Нет. У него было прекрасное настроение. Он писал историю своего рода.

— И когда он приступил к этой работе?

— Шесть месяцев назад.

— Мисс Лингард приехала как раз в то время?

— Нет. Она приехала два месяца назад, когда ему понадобилась помощь в работе с архивами.

— Итак, вы считаете, он находился в хорошем расположении духа?

— Да. Он был доволен собой. Ничто в жизни не имело для него никакого значения, кроме его собственной семьи, его рода, — с горечью произнес Лейк.

— Значит сэра Жерве больше ничего не волновало?

— Нет, — помедлив ответил капитан.

— А как вы думаете, — неожиданно спросил Пуаро, — не беспокоился ли он о своей дочери?

— О дочери?

— Да.

— Насколько я знаю, нет, — сдержанно ответил Лейк.

— Спасибо. Больше у меня нет к вам никаких вопросов.

— А я бы вас попросил, Лейк, — вмешался в разговор майор Риддль, — пока никуда не отлучаться. Кроме того, у меня к вам еще одна просьба.

— Слушаю вас, сэр.

— Не могли бы вы пригласить сюда дворецкого? И узнайте, пожалуйста, как себя чувствует леди Шевени-Гор.

Когда капитан Лейк вышел, Пуаро сказал:

— Какой приятный молодой человек!

— Да, славный парень и притом отличный работник. Его все любят.

Глава V

— Садитесь, Снэлл, — дружеским тоном предложил майор Риддль, — мне нужно задать вам несколько вопросов. Думаю, случившееся явилось для вас сильным ударом?

— Вы правы, сэр.

— Вы давно служите в этом доме?

— Шестнадцать лет. С тех пор, как сэр Жерве поселился здесь.

— Да, да, конечно. Ведь ваш хозяин любил путешествовать.

— Вы правы, сэр. Он был даже на Северном полюсе.

— Скажите, Снэлл, когда вы в последний раз видели своего хозяина живым?

— Я находился в столовой. Дверь в холл оставалась открытой, и я видел, как сэр Жерве спустился по лестнице, прошел через холл и направился по коридору в кабинет.

— В котором часу это было?

— Около восьми. Примерно без пяти восемь.

— А выстрел вы слышали?

— Да, сэр. Но мне тогда и в голову не пришло, что это был выстрел.

— А что вы подумали?

— Я подумал, что проехала машина, ведь дорога проходит рядом с домом. Или этот выстрел раздался из леса. Я никогда бы не подумал...

— Когда вы слышали этот звук?

— Ровно в восемь минут девятого, сэр.

— Как вам удалось установить время с такой точностью?

— Очень легко объяснить, сэр. Я только что ударил первый раз в гонг.

— Не понимаю вас.

— Дело в том, сэр, что сэр Жерве приказал давать первый гонг за семь минут, до гонга к обеду. В восемь ровно я должен был ударить второй раз. Сэр Жерве отличался большой точностью и требовал, чтобы ко

второму гонгу все собирались в гостиной. После второго гонга я шел в гостиную и объявлял, что обед подан. Только после этого все отправлялись в столовую.

— Теперь я понимаю, — сказал Пуаро, — почему вы выглядели таким удивленным, появившись в гостиной. Ведь там не было сэра Жерве.

— Вы правы, сэр. Я был поражен. Он никогда не опаздывал.

Майор Риддль резко прервал дворецкого:

— А остальные тоже всегда собирались в гостиной?

— Да, сэр. Тех, кто опаздывал, никогда больше не приглашали.

— А члены его семьи тоже никогда не опаздывали?

— Леди Шевени-Гор была также очень точна, чтобы не огорчать сэра Жерве, ну, а мисс Руфь не осмелилась бы опоздать.

— Интересно, — пробормотал Пуаро. — Значит, обед всегда начинался пятнадцать минут девятого, и вы ударили первый раз в гонг в восемь минут девятого, как обычно?

— Не совсем так, сэр. Обычно обед начинался в восемь. Сегодня сэр Жерве отодвинул время обеда на пятнадцать минут, так как ожидал приезда одного джентльмена.

С этими словами дворецкий посмотрел на Пуаро и слегка поклонился в его сторону.

— Скажите, а когда ваш хозяин шел в кабинет, он не выглядел расстроенным или удрученным?

— Не могу сказать, сэр. Я не видел его лица.

— В кабинет он шел один?

— Да, сэр.

— После него никто больше не проходил в кабинет?

— Не знаю, сэр. Я сразу же пошел в свою комнату, и только в восемь минут девятого дал первый гонг.

— Тогда вы и слышали выстрел?

— Да, сэр.

— Там же находились и остальные, — вмешался в разговор Пуаро, — те, кто слышал этот выстрел?

— Да, сэр. Там были мистер Гуго, мисс Кардвелл и мисс Лингард.

— Все эти люди были в холле?

— Мисс Лингард только что вошла из гостиной, а мисс Кардвелл и мистер Гуго спускались по лестнице.

— Они обсуждали этот выстрел?

— Да. Мистер Гуго еще спросил, не открывали ли

шампанское к обеду. Я ответил, что к обеду подал шерри и бургундское.

— А мистер Гуго решил, что это вылетела пробка от шампанского?

— Да, сэр.

— Но никто не отнесся к этому серьезно?

— Никто, сэр. Они, смеясь, пошли в гостиную.

— А где были все остальные?

— Я не знаю, сэр.

— Вы видели этот пистолет раньше? — спросил Риддль, показывая оружие.

— Да. Это пистолет сэра Жерве. Он всегда лежал в ящике его письменного стола.

— Он был обычно заряжен?

— Не знаю, сэр.

Майор Риддль отложил пистолет в сторону и откашлялся.

— Я хочу задать вам, Снэлл, очень важный вопрос, и, надеюсь, вы ответите на него правдиво. Знаете ли вы причину, из-за которой ваш хозяин покончил с собой?

— Нет, сэр.

— Может быть, вы заметили что-нибудь странное в поведении вашего хозяина в последнее время?

Замявшись, дворецкий ответил извиняющимся тоном:

— Простите, сэр, но поведение сэра Жерве казалось всегда странным. Он был в высшей степени своеобразным джентльменом.

— Да, да, я знаю.

— Малоознакомые люди не всегда правильно понимали сэра Жерве.

— Я знаю. Но, может, все-таки что-нибудь в его поведении показалось вам странным?

Казалось, дворецкий колебался. Наконец он сказал:

— Думаю, сэр Жерве был чем-то озабочен.

— Он находился в подавленном состоянии?

— Я бы не сказал, сэр. Он был чем-то встревожен.

— У него были на то основания?

— Не знаю, сэр.

— Может, он беспокоился о ком-нибудь из своих близких?

— Ничего не могу вам сказать, сэр. Возможно, это сего лишь мои домыслы.

— Его самоубийство явилось для вас неожиданно? — снова спросил Пуаро.

— Да, сэр. Для меня это было большим ударом. Я представить себе такое даже не мог.

Пуаро задумчиво кивнул головой. Посмотрев на него, Риддль сказал:

— Хорошо, Снэлли. Это, пожалуй, все, о чем мы хотели с вами поговорить. Кстати, вы совершенно уверены, что за последние несколько дней в доме не произошло ничего необычного?

Поднявшись со стула, дворецкий покачал головой.

— Ничего, сэр. Я уверен в этом.

— Тогда вы можете идти.

— Благодарю вас, сэр.

Подойдя к двери, дворецкий посторонился, пропуская входившую в комнату леди Шевени-Гор.

Она была одета в яркое, оранжевое с пурпурным рисунком платье восточного покроя, плотно облегающее фигуру. На ее лице как будто застыла маска, движения были скупы и спокойны.

— Мне сказали, вы хотите поговорить со мной? — тихо спросила она.

— Может, мы перейдем в другую комнату?

Леди Шевени-Гор печально покачала головой и села на один из чиппендейловских стульев.

— Очень хорошо, что вы нашли в себе силы справиться со своим горем, — начал майор Риддль, но леди Шевени-Гор сразу же прервала его:

— Сначала это меня потрясло. Но ведь в действительности смерти не существует. Я сейчас совершенно отчетливо вижу Жерве, стоящего за вами, как раз за вашим левым плечом.

Майор Риддль испуганно оглянулся и с сомнением посмотрел на хозяйку дома. Она улыбнулась ему счастливой улыбкой.

— Конечно, вы не верите! Мало, кто в это верит. Для меня астральный мир так же реален, как и этот. Вы можете спрашивать меня обо всем, не боясь расстроить. Поверьте мне, я не переживаю. Это — Судьба. Никто не избежит своей Кармы. Посмотрите на разбитое зеркало. Это — знак свыше.

— При чем тут зеркало? — с любопытством спросил Пуаро.

— Вы видите — оно разбито. Это — знак! Вы читали поэму Теннисона? Там тоже было разбитое зеркало. Помните, леди Шеллот говорит, что это — Проклятье! То же случилось и с Жерве. На нем лежало Проклятье,

как это часто бывает в древних родах. Зеркало разбилось, и он понял, что обречен. Проклятье сбылось!

— Мадам, но не проклятье разбило зеркало, а пуля!

— Не все ли равно, — мягко произнесла леди Шевени-Гор. — Это была рука Судьбы.

— Но ведь ваш муж застрелился сам.

— Конечно, он не должен был этого делать, — улыбнулась леди Шевени-Гор. — Но Жерве был слишком нетерпелив. Он никогда не умел ждать. Его час пробил — и он пошел навстречу судьбе. Все это очень просто понять. Во всяком случае мне.

Майор Риддль резко сказал:

— Значит, вас не удивило самоубийство вашего мужа? Вы ждали, что оно произойдет?

— О, нет, — ее глаза широко открылись. — Свою судьбу нельзя предугадать. Жерве был, конечно, необыкновенным человеком. Он не походил ни на кого. Такие, как он, рождаются на свет раз в тысячу лет. Это был — Великий Человек! Я это знала и, думаю, он тоже это чувствовал. Жерве не вписывался в рамки современной жизни... Вот сейчас он улыбается, — добавила она, посмотрев в сторону майора. — Ему, видимо, кажется очень глупым все, что здесь происходит. А ведь действительно это так. Мы все, как дети. Притворяемся, что жизнь наша — реальность и что она имеет большое значение... Жизнь — это одна из Великих Иллюзий.

Видя, что в этом разговоре он проигрывает, майор Риддль предпринял последнюю отчаянную попытку.

— Не могли бы вы нам объяснить, почему ваш муж решил покончить с собой?

Она пожала своими хрупкими плечами.

— Нами управляют невидимые силы. Вы этого не сможете понять. Для вас существует только материальный мир.

— Говоря о материальном мире, мадам, — вмешался в разговор Пуаро, — не могли бы вы нам сказать, кому ваш муж завещал свое состояние, свои деньги?

— Деньги? — она с удивлением посмотрела на него. — Я никогда не думала о деньгах. — В ее голосе прозвучала презрливость.

Пуаро быстро переменял тему разговора:

— В какое время вы спустились к обеду?

— Время? Это очень неопределенное понятие.

Пуаро озадаченно пробормотал:

— Я слышал, ваш муж был очень пунктуальным человеком. Особенно когда это касалось времени обеда.

— Милый, милый Жерве, — улыбнулась она, — это была такая глупость с его стороны, но она доставляла ему удовольствие, поэтому мы никогда не опаздывали.

— Значит, когда прозвучал первый гонг, вы были в гостиной?

— Нет. В своей комнате.

— Не помните ли вы, кто был в гостиной, когда вы туда вошли?

— Почти все. А разве это имеет значение?

— Возможно, что нет. Тогда я хочу задать вам еще один вопрос. Ваш муж думал, что его обкрадывали?

Этот вопрос ни в какой мере не заинтересовал леди Шевени-Гор.

— Обкрадывали? Он бы очень возмутился, если бы узнал, что кто-то посмел его обмануть.

— Во всяком случае, вам он ничего не говорил?

— Нет, нет. Я бы это запомнила.

— Когда вы в последний раз видели вашего мужа живым?

— Он заглянул ко мне перед тем, как спуститься к обеду и сказал, что идет в столовую.

— О чем он в основном говорил в последнее время?

— Об истории своего рода. Он нашел эту смешную **мисс** Лингард, и она оказалась бесценной помощницей. Она просматривала для него архивы в Британском музее. Если вы знаете, она раньше работала над книгой лорда Малпастера. В своих изысканиях она очень тактична и выбирает из архива только то, что не может задеть честь рода Шевени-Гор. Мне она тоже помогла. Она нашла очень ценную информацию о египетской царице Хатшепсут. Вы знаете, в одной из своих прошлых жизней я была этой царицей, — произнесла очень спокойным голосом леди Шевени-Гор. — А до этого я была жрицей в Атлантиде.

Майор Риддль заерзал в кресле.

— Э... Это, конечно, все очень интересно... Спасибо, леди Шевени-Гор. Я думаю, у нас к вам больше вопросов нет. Вы были очень любезны.

— До свидания, джентльмены, — поднимаясь, произнесла хозяйка дома. Бросив взгляд через плечо майора Риддля, она улыбнулась: — До свидания, Жерве,

дорогой. Мне бы так хотелось, чтобы ты пошел со мной, но я знаю, ты должен остаться здесь.

Она посмотрела на стоявших в смущении мужчин и добавила, как будто пытаясь им объяснить:

— В течение двадцати четырех часов душа умершего пребывает там, где человек умер, и только сутки спустя, она может свободно перемещаться в пространстве и общаться с живыми людьми.

С этими словами леди Шевени-Гор выплыла из комнаты.

Майор Риддль вытер со лба пот.

— Ух! Она ненормальна более, чем я предполагал. Неужели она действительно верит во всю эту чепуху?

Пуаро задумчиво покачал головой.

— Возможно, — сказал он, — эта вера ей помогает. Сейчас ей необходимо создать для себя мир иллюзий, чтобы смягчить тот удар, который ей нанесла смерть мужа.

— Мне она показалась просто сумасшедшей, — сказал майор Риддль. — Все, что она тут наговорила, лишено всякого смысла.

— Вы ошибаетесь, мой друг. Она дала нам очень ценную информацию о мисс Лингард. И поверьте, леди Шевени-Гор далеко не глупая женщина.

Он прошелся по комнате и продолжал:

— В этом деле есть некоторые нюансы, которые мне очень не нравятся.

Риддль с любопытством взглянул на Пуаро.

— Вы имеете в виду мотив самоубийства?

— Самоубийства! Ерунда все это. Уверяю вас, самоубийства не было. Оно невозможно психологически. Вспомните гипертрофированное самомнение сэра Жерве. Он ведь считал себя Колоссом, центром Вселенной. Разве такой человек способен на самоубийство? Конечно, нет. Он скорее уничтожит любого, кто посмеет встать на его пути, этакое ничтожное насекомое, и такой акт он воспринял бы как необходимый, более того, как благословенный свыше! Но уничтожить себя?! Великого, Единственного и Неповторимого!

— Все это очень хорошо, Пуаро, но что делать с существующими, неоспоримыми доказательствами? Запертые двери, ключ — в его кармане, закрытые окна. Я знаю, что в книгах такое случается, но в жизни я никогда с этим не сталкивался. Что вы на это можете ответить?

— Давайте вместе попытаемся разобраться. — Пуаро удобно расположился в кресле.

— Предположим, я — Шевени-Гор. Я сижу вот здесь, за письменным столом. Я решил застрелиться. Потому что, ну, например, потому что узнал кое-что порочащее честь семьи. Для меня это достаточно важно. Что я делаю? Я пишу на клочке бумаги слово «ПРОСТИТЕ». Такое возможно? Вполне. Затем я открываю ящик письменного стола, где хранится пистолет, вынимаю его, заряжаю, если он не заряжен, и — стреляюсь? Так? Не совсем. Я сначала поворачиваю кресло, затем наклоняюсь вправо и только после этого представляю пистолет к виску и стреляюсь!

Пуаро вскочил и, повернувшись к майору, спросил:

— Теперь вы понимаете, как все это неестественно выглядит? Зачем надо было поворачивать кресло? Если бы, например, на стене висел чей-нибудь портрет, на который человек хотел бы посмотреть в последний раз перед смертью, тогда это имело бы хоть какой-то смысл. Но в данном случае у него перед глазами были только оконные шторы. Так что никакого смысла я в этом не вижу.

— Может быть, он хотел увидеть что-нибудь за окном? — высказал предположение майор.

— Мой друг, вы сами не верите в сказанное. В это время уже темно, и шторы задернуты. Нет-нет, здесь кроется нечто иное.

— Тогда я должен сказать, что существует одно единственное объяснение случившемуся — Жерве Шевени-Гор был просто сумасшедшим.

Пуаро медленно покачал головой.

Майор поднялся.

— Пойдемте и поговорим с остальными. Может быть, мы от них что-нибудь узнаем.

Глава VI

После трудного разговора с леди Шевени-Гор общение с мистером Форбсом доставило майору истинное удовольствие. И хотя адвокат был человеком весьма осторожным, отвечал на вопросы лаконично и точно.

Он сказал, что самоубийство сэра Жерве явилось для него сильным ударом. Он никогда не считал возможным, чтобы такой человек, как сэр Жерве, мог лишиться себя жизни. Причин, подтолкнувших его к этому, он не видит.

— Сэр Жерве был не только моим клиентом, но и старым другом. Я знал его с детства. Он отличался редким жизнелюбием.

— Может быть, вы знали о чем-нибудь, что омрачало жизнь сэра Жерве? Прошу ответить мне совершенно откровенно.

— Нет. Думаю, ничего серьезного у него не было.

— Может быть, он страдал какой-нибудь болезнью? Или не ладил с женой?

— О, нет. Они очень любили друг друга.

Майор Риддль осторожно сказал:

— Я заметил, у леди Шевени-Гор очень своеобразное представление о жизни.

Мистер Форбс улыбнулся:

— Дамы имеют право на фантазию.

Майор продолжал:

— Вы вели дела сэра Жерве?

— Да, моя фирма была связана с родом Шевени-Гор вот уже более ста лет.

— Не случались ли в их роду какие-нибудь скандальные истории?

Мистер Форбс с удивлением поднял брови:

— Я отказываюсь понимать вас, сэр.

— Мсье Пуаро, будьте любезны, покажите мистеру Форбсу письмо, которое вы получили от сэра Жерве.

Пуаро молча протянул адвокату письмо.

Мистер Форбс внимательно прочитал, и его брови поднялись еще выше.

— Очень интересно. Теперь мне понятны ваши во-

просы. К сожалению, я ничем вам помочь не смогу: мне не известно, что имел в виду сэр Жерве, когда писал письмо.

— Сэр Жерве вам ничего не говорил о письме?

— Абсолютно ничего, и откровенно говоря, это меня удивляет.

— Обычно он с вами советовался?

— Да. Он считался с моим мнением.

— Значит, вы не имеете ни малейшего представления о том, что подразумевал сэр Жерве?

— Мне не хотелось бы делать поспешные заключения.

Майор Риддль оценил осторожность ответа.

— Мистер Форбс, скажите, пожалуйста, как сэр Жерве распорядился своим состоянием?

— Своей жене сэр Жерве оставил годовой доход в шесть тысяч фунтов и один из домов по ее выбору. Все остальное переходит его приемной дочери, Руфи, но при условии, если она выйдет замуж, и ее муж возьмет фамилию Шевени-Гор.

— А что достанется мистеру Тренту?

— Пять тысяч фунтов.

— Значит сэр Жерве был богатым человеком.

— Да, очень богатым. Конечно, раньше он был еще богаче, но много потерял из-за одной компании, которую возглавлял полковник Бэрри. Он убедил сэра Жерве вложить в дело огромную сумму денег.

— Не очень умный совет, — сказал майор Риддль.

— Да, — вздохнув, согласился мистер Форбс. — К сожалению, отставные военные мало смыслят в финансовых операциях и часто оказываются банкротами.

— Это серьезно повлияло на состояние Жерве?

— Нет. Он остался чрезвычайно богатым человеком.

— Когда составлено завещание?

— Два года назад.

— Мне кажется, это все немного несправедливо по отношению к мистеру Тренту. Ведь он ближайший кровный родственник сэра Жерве, — пробормотал Пуаро.

— Не подумайте, что мы хотим копаться в грязном белье семьи Шевени-Гор, — сказал мистер Риддль. — Но мы должны понять смысл письма сэра Жерве.

— Я думаю, что ничего таинственного в отношениях сэра Жерве с племянником не существовало, — бы-

стро сказал мистер Форбс. — Просто сэр Жерве считал себя главой семьи и относился к этому очень серьезно. У него были еще младший брат и сестра. Брат, Энтони Шевени-Гор, погиб во время войны. Сестра Полина вышла замуж, но сэр Жерве очень противился этому браку. Он считал, что сестра должна была испросить его согласия на брак. Семья капитана Трента не относилась к знатному роду, и сэру Жерве этот брак казался мезальянсом. Свою нелюбовь к капитану Тренту он перенес в какой-то мере и на племянника. Думаю, отчасти неприязнь толкнула его и на то, чтобы удочерить Руфь.

— Значит у них не было надежды иметь своего ребенка?

— Не было. Через год после женитьбы у леди Шевени-Гор родился мертвый ребенок, и доктора сказали, что больше у нее детей не будет. Через два года они удочерили Руфь.

Пуаро спросил:

— А как к ним попала Руфь? Кто она?

— Думаю, какая-нибудь дальняя родственница.

— Я тоже так предположил, — Пуаро посмотрел на семейные портреты на стене. — Сразу видны фамильные черты — форма носа, линия подбородка. Посмотрите только на эти портреты.

— Она унаследовала и характер тоже, — сухо заметил мистер Форбс.

— Представляю себе. И какие у них были отношения с ее приемным отцом?

— Соответствующие. Но несмотря на ссоры, у них было взаимопонимание.

— Тем не менее она причиняла ему беспокойство?

— Постоянно. Однако, я уверяю вас, это не довело бы его до самоубийства.

— Совершенно с вами согласен, — заметил Пуаро, — из-за упрямой дочери еще никто не стрелялся. А скажите, сэр Жерве никогда не хотел изменить свое завещание?

Мистер Форбс откашлялся, чтобы скрыть смущение.

— Дело в том, что два дня назад сэр Жерве попросил меня составить новое завещание.

— Ах так? — майор Риддль пододвинул свое кресло ближе. — Вы нам ничего об этом не сказали.

— Вы же меня спросили только об условиях завещания сэра Жерве. Я вам такую информацию дал.

А новое завещание не было даже подписано.

— Чем оно отличалось от предыдущего? Может, это даст ключ к разгадке письма?

— В основном все осталось по-прежнему, за одним маленьким исключением: мисс Шевени-Гор могла получить причитающуюся ей долю наследства только в случае ее брака с мистером Гуго Трентом.

— О, очень серьезная поправка, — воскликнул Пуаро.

— Я был против этого пункта, — сказал мистер Форбс. — Более того, я предупредил сэра Жерве, что такое условие можно легко опротестовать в суде, однако он не прислушался к моему совету.

— А если мисс Шевени-Гор или мистер Трент отказались бы выполнить это требование?

— Если бы отказался мистер Трент, то оговоренное состояние переходило бы к мисс Шевени-Гор. Но, если бы отказ исходил от нее, то тогда все состояние перешло бы ему.

— Странное условие, — заметил майор Риддль.

Наклонившись вперед, Пуаро положил руку на колено адвоката.

— Что за всем этим кроется? Что было на уме у сэра Жерве, когда он оговаривал такое условие? Должно быть, что-то совершенно определенное. Может, тут появился другой мужчина, и сэр Жерве одобрял выбор Руфи? В таком случае, я думаю, мистер Форбс, вы должны знать этого мужчину.

— К сожалению, мсье Пуаро, я ничего не знаю.

— Но вы можете догадываться.

— Я никогда не строю догадок, — оскорбленным тоном сказал адвокат. Сняв очки, он тщательно протер их своим шелковым платком и спросил:

— У вас есть ко мне еще вопросы?

— У меня в данный момент нет, — ответил Пуаро.

Мистер Форбс перевел взгляд на майора.

— Благодарю вас, мистер Форбс. Я думаю, все ясно. Мне бы хотелось сейчас поговорить с мисс Шевени-Гор.

— Она сейчас у леди Шевени-Гор.

— Тогда я бы побеседовал с этим... Бэрроуз, кажется, так его зовут, а потом с дамой, которая занимается историей их рода.

— Они оба в библиотеке. Я их сейчас же позову.

Глава VII

— Ух, и трудно же вытаскивать информацию из таких старых законников! — сказал майор Риддль, когда адвокат вышел из комнаты.

— Да, вы правы.

— А вот и Бэрроуз.

При этих словах в кабинет вошел молодой человек, всем своим видом показывающий, что он готов быть полезен обоим находящимся в кабинете джентльменам. Годфри Бэрроуз улыбался заученной улыбкой, которая казалась приклеенной к его лицу.

— Мистер Бэрроуз, у нас к вам есть несколько вопросов.

— Буду рад ответить на все.

— Во-первых, нас интересует ваше личное мнение о причинах самоубийства сэра Жерве.

— К сожалению, не могу даже ничего предположить. Я был потрясен.

— Вы слышали звук выстрела?

— Нет. Видимо, в это время я работал в библиотеке, а она расположена в другом конце дома.

— С вами там был еще кто-нибудь?

— Нет. Я там был один.

— А где находились остальные?

— Думаю, наверху. Переодевались к обеду.

— Когда вы пришли в гостиную?

— Как раз перед приездом мсье Пуаро. Там уже собрались все, кроме сэра Жерве.

— Вас не удивило его отсутствие?

— Удивило: обычно он появлялся в гостиной уже до первого гонга.

— Вы не заметили ничего странного в поведении сэра Жерве в последнее время? Возможно, он был взволнован? Или подавлен?

Годфри Бэрроуз задумался.

— Нет. Пожалуй, нет. Он много работал.

— Не выглядел ли он расстроенным или огорченным?

— Нет. Правда, его волновали дела одной компании, которую возглавлял полковник Бэрри.

— Что он говорил по этому поводу?

Годфри Бэрроуз снова улыбнулся своей заученной улыбкой.

— Он говорил, что старый Бэрри или дурак, или рыцарь. Скорее всего — дурак, но придется с ним иметь дело ради Ванды.

— А почему «ради Ванды»? — поинтересовался Пуаро.

— Дело в том, что леди Шевени-Гор очень хорошо относится к полковнику, а он ее просто боготворит, ходит за ней, как верный пес.

— И сэр Жерве не ревновал?

— Ревновал? — Бэрроуз с удивлением посмотрел на обоих мужчин и рассмеялся. — Сэр Жерве — и ревность! Для него это понятие было неизвестно! Ему и в голову не приходило, что другого мужчину могут предпочесть ему. Нет, абсолютно невозможно!

Пуаро мягко сказал:

— Мне кажется, вы очень не любили сэра Жерве? Бэрроуз покраснел.

— Вы совершенно правы. Его поведение и образ мыслей меня раздражали.

— А каков он, этот образ мыслей?

— Феодальный! Он буквально преклонялся перед своими предками, и сам был невыносимо надменным. Хотя и очень способным человеком. Он провел интересную жизнь, и если бы не его самовлюбленность, был бы интересным и приятным человеком.

— Его дочь тоже так считает?

Бэрроуз побагровел.

— Я думаю, мисс Шевени-Гор — девушка современная, тем не менее я не стал бы с ней обсуждать ее отца.

— Однако, современные дети очень часто обсуждают поведение своих родителей, — сказал Пуаро, — критика — как раз в духе современности.

Бэрроуз пожал плечами.

— Скажите, — спросил майор, — а вам никогда не приходилось слышать от сэра Жерве, что он является жертвой чего-либо?

— Жертвой? — удивленно переспросил Бэрроуз. — Нет. Не слышал.

— У вас с сэром Жерве были хорошие отношения?

— Конечно.

— Вы знали, что сэр Жерве написал письмо мсье Пуаро и пригласил его приехать сюда?

— Нет.

— Сэр Жерве обычно сам писал письма?

— Нет, он почти всегда диктовал их мне.

— Но в данном случае он этого не сделал. Почему?

— Я не знаю.

— Любопытно. Когда вы в последний раз видели сэра Жерве?

— Как раз перед тем, как пойти переодеться к обеду. Я принес к нему на подпись несколько писем.

— Как он себя вел?

— Как обычно. Выглядел очень довольным.

— Ах, даже так! — Пуаро приподнялся и внимательно посмотрел на молодого человека. — У вас, значит, создалось впечатление, будто он был чем-то очень доволен. И все же вскоре он застрелился. Вам не кажется это странным?

Годфри Бэрроуз пожал плечами.

— Я высказал лишь свое мнение.

— Да-да, спасибо. Это для нас важно. Между прочим, вы один из последних, кто видел сэра Жерве живым.

— Последним был Снэлл.

— Возможно, он видел, но не разговаривал с ним. На это замечание Бэрроуз ничего не ответил.

— В какое время вы пошли переодеваться к обеду? — спросил майор Риддль.

— Приблизительно в пять минут восьмого.

— Что в это время делал сэр Жерве?

— Я оставил его в кабинете.

— Сколько времени ему требовалось, чтобы переодеться?

— Около сорока пяти минут.

— Значит, если обед должен был начаться в пятнадцать минут девятого, то сэру Жерве следовало приступить к переодеванию по крайней мере в половине восьмого.

— Вероятно, так.

— А вы сами пошли рано переодеваться?

— Да. Я решил так: переоденусь и потом еще немного поработаю в библиотеке.

Пуаро задумчиво кивнул, а майор Риддль сказал:

— Благодарю вас. Теперь, если вас не затруднит, попросите зайти сюда мисс Лингард.

Мисс Лингард появилась почти сразу же. Под звон многочисленных цепочек, обвивавших ее шею, она усе-
лась в кресло и вопросительно посмотрела на обоих мужчин.

— Все это очень печально, мисс Лингард... — начал майор Риддль.

— Действительно, печально, — вежливо подтвердила мисс Лингард.

— Когда вы приехали сюда?

— Около двух месяцев назад. Сэр Жерве написал письмо своему другу, работающему в Британском музее, подполковнику Фотерингу, и подполковник рекомендовал ему меня. Я провела довольно большую исследовательскую работу.

— Не трудно ли вам было работать с сэром Жерве?

— Надо на все уметь смотреть с юмором, особенно когда имеешь дело с мужчинами, — с улыбкой ответила мисс Лингард.

Опасаясь, что мисс Лингард в данный момент воспринимает его тоже с юмором, майор Риддль осторожно продолжил:

— Вы помогали сэру Жерве писать книгу?

— Да.

— В чем заключалась ваша помощь?

— Я подыскивала в архивах материал, обрабатывала его и передавала сэру Жерве.

— Вы должны были, видимо, проявлять при этом большой такт, мадемуазель? — сказал Пуаро.

— Такт и одновременно твердость. В работе эти два качества должны идти рука об руку. Работать с сэром Жерве было легко, стоило лишь найти к нему ключик.

— Я надеюсь, именно вы, мисс Лингард, можете пролить свет на причину самоубийства.

— Боюсь, что я ничем не смогу вам помочь. Сэр Жерве никогда со мной не откровенничал. Практически я для него являлась посторонним человеком. Кроме того, он был слишком горд, чтобы делиться с кем бы то ни было заботами и бедами своей семьи.

— Значит, вы думаете, что именно семейные неприязни стали причиной его самоубийства?

Мисс Лингард с удивлением посмотрела на майора:

— Конечно! А разве есть другие предположения?

— Вы абсолютно уверены, что его беспокоили семейные неурядицы?

— Я знаю, что он был очень расстроен.

— А скажите, он с вами говорил об этом?

— Он дал мне это понять.

— Каким образом? Что он вам сказал?

— Сейчас постараюсь вспомнить. Когда я с ним разговаривала, я заметила, что в мыслях он где-то далеко; сэр Жерве очень невнимательно слушал, о чем я говорю...

— Извините, что я вас прерываю. Когда это было?

— Сегодня днем. Обычно мы с ним работали с трех до пяти.

— Пожалуйста, продолжайте.

— Как я уже сказала, сэру Жерве было трудно сконцентрироваться, и он сказал, что его тревожат мысли. Еще он сказал — я точно не могу припомнить слова — но это было что-то вроде: «Ужасно, когда на один из старейших, благороднейших родов ложится пятно бесчестия»...

— Что вы на это ему сказали?

— Что-то успокаивающее. Кажется, сказала так: «Покорение, расплачиваясь за свое величие, может допускать маленькие слабости. Однако эти слабости не всегда становятся достоянием потомков».

— Ваши слова его успокоили?

— Более-менее. Мы снова занялись сэром Роджером Шевени-Гор. В древнем манускрипте я нашла очень интересные высказывания о нем, но сэр Жерве почти не слушал меня. В конце концов он сказал, что не может больше работать, и добавил, что сегодня у него произошли большие неприятности.

— Неприятности?

— Да, так он сказал. Конечно, я никаких вопросов не задавала. Я только сказала: «Мне очень горько слышать это, сэр Жерве». Потом он попросил меня предупредить Снэлла, что сегодня вечером приезжает мсье Пуаро, и поэтому обед будет в восемь пятнадцать. Кроме того, он попросил послать к поезду машину.

— Он всегда с такими просьбами обращался к вам?

— Нет. Этим занимался мистер Бэрроуз. Я выполняла только свою работу, а ее нельзя было называть работой секретаря в полном смысле этого слова.

— Как вы считаете, — спросил Пуаро, — у сэра

Жерве, возможно, была определенная причина обратиться именно к вам с таким поручением, а не к мистеру Бэрроузу?

Мисс Лингард на минуту задумалась.

— Я не придавала этому значения. Возможно, в тот момент ему было так удобнее. Однако сейчас я припоминаю, что он попросил меня никому не говорить о приезде мсье Пуаро. Он сказал, что хочет сделать сюрприз.

— Ах, он так сказал? Очень, очень любопытно. И вы никому не сказали?

— Конечно, мсье Пуаро. Я передала Снэллу указания сэра Жерве отложить обед на восемь пятнадцать и послать машину к поезду, чтобы встретить приезжающего джентльмена.

— Больше сэр Жерве ничего не говорил?

— Когда я выходила из комнаты, он сказал: «Его приезд уже не поможет. Слишком поздно».

— Вы не знаете, что он имел в виду?

— Нет.

Почувствовав неуверенность ответа, Пуаро, нахмурившись, повторил:

— «Слишком поздно!» Значит, он сказал: «Слишком поздно».

— А вы не можете хотя бы предположить, какие обстоятельства так взволновали сэра Жерве? — спросил майор Риддль.

Помедлив, мисс Лингард сказала:

— Я думаю, это в какой-то мере связано с мистером Гуго Трентом.

— Гуго Трент? Почему вы так думаете?

— Это только мое предположение. Но вчера, когда мы во время своей работы обсуждали одного из предков сэра Жерве — сэра Гуго де Шевени, участвовавшего в войне Алой и Белой Розы и сохранившего о себе недобрую память, — сэр Жерве произнес: «Надо же было моей сестре выбрать для своего сына имя Гуго! В нашей семье оно еще никому не приносило счастья, и она должна была об этом подумать».

— Я понимаю, все, что вы нам сейчас сказали, — это ваши предположения, — сказал Пуаро, — однако они натолкнули меня на одну мысль.

— Более определенно сэр Жерве не высказывался? — спросил майор Риддль.

Мисс Лингард покачала головой.

— Он говорил как будто сам с собой, не обращаясь ко мне.

— Я вас понимаю.

— Мадемуазель, вы в этом доме человек посторонний и живете здесь около двух месяцев. Нам очень важно узнать ваше мнение об этой семье и вообще о доме, — задушевым тоном произнес Пуаро.

Мисс Лингард сняла очки.

— Ну, что ж... Откровенно говоря, первое впечатление у меня было такое, будто я попала в сумасшедший дом! Леди Шевени-Гор все время видела то, что никому не дано видеть, а сэр Жерве вел себя, как король. В самом деле, более странных людей я никогда не встречала. Правда, мисс Шевени-Гор совершенно нормальна. А вскоре я поняла, что леди Шевени-Гор — необычайно добрый и приятный человек. Никто так ко мне хорошо не относился, как она. Что же касается сэра Жерве, то его мания величия переходила все допустимые пределы. Мне кажется, он действительно был сумасшедшим.

— А что вы можете сказать об остальных?

— Думаю, мистеру Бэрроузу приходилось несладко, и он был рад сделать передышку, когда сэр Жерве работал со мной над книгой. Полковник Бэрри — очаровательный человек. Он очень предан леди Шевени-Гор, и с сэром Жерве у него были прекрасные отношения. Что касается мистера Трента, мистера Форбса и мисс Кардвелл, они пробыли здесь всего несколько дней, и мне трудно о них что-либо сказать.

— Благодарю вас, мадемуазель. А что вы можете сказать о капитане Лейке?

— О, он весьма приятный человек. Его все очень любят.

— И сэр Жерве тоже его любил?

— Да. Я сама слышала, как сэр Жерве говорил, что такого хорошего работника у него никогда не было. Конечно, капитану Лейку было тоже очень трудно работать с сэром Жерве, однако он умел прекрасно с ним ладить. А это, поверьте мне, нелегко.

Пуаро задумчиво кивнул и пробормотал:

— Что-то... Что-то я хотел у вас еще спросить...

Мисс Лингард терпеливо ждала.

— Вот прямо на кончике языка, а не могу вспомнить.

Подождав минуту, майор Риддль решился сам задать вопрос:

— Когда вы в последний раз видели сэра Жерве?

— Во время чая.

— Как он себя вел?

— Как обычно.

— Вы не заметили никакого напряжения у присутствующих?

— Нет. Все вели себя, как всегда.

— Куда пошел сэр Жерве после чая?

— Они вместе с Бэрроузом пошли в кабинет.

— Больше вы его не видели?

— Нет. Я пошла перепечатать главу и работала до семи. Потом пошла к себе немного отдохнуть и переодеться к обеду.

— И вы слышали, я думаю, выстрел?

— Да. И когда я вышла в холл, там уже находились мистер Трент и мисс Кардвелл. Мистер Трент спросил Снэлла, не окрывают ли шампанское, и пошутил по этому поводу. Нам никому и в голову не пришло отнестись к этому серьезно. Мы все были уверены, что это просто машина.

Пуаро спросил:

— Вы не слышали, как мистер Трент говорил что-нибудь об убийстве?

— Кажется, он действительно что-то сказал. В шутку, конечно.

— А что потом произошло?

— Мы все направились в столовую.

— Не помните ли вы, в каком порядке все шли?

— Первой шла мисс Шевени-Гор, потом мистер Форбс, потом полковник Бэрри с леди Шевени-Гор, за ними сразу мистер Бэрроуз. Мне кажется, что они шли именно так, но скорее всего, они шли все вместе.

— Они собрались после первого гонга?

— Да. Обычно все спешат, как только слышат гонг. Сэр Жерве был очень пунктуален в этом вопросе.

— А когда он сам обычно приходил?

— Обычно был уже в комнате, когда звучал гонг.

— Всех удивило его опоздание?

— Очень.

— Наконец-то я вспомнил! — воскликнул Пуаро.

Мисс Лингард и майор Риддль посмотрели на него вопросительно.

— Я вспомнил то, о чем хотел спросить. Сегодня

вечером, когда мы все шли в кабинет, вы нагнулись и что-то подняли с пола.

— Я? — мисс Лингارد, казалось, была очень удивлена.

— Да. Когда мы повернули в коридор, ведущий к кабинету. Это было что-то маленькое и блестящее.

— Удивительно! Я не помню. Ах, да. Я не придавала этому значения. Подождите минутку, я, конечно, положила сюда.

Она открыла свою черную шелковую сумочку и высыпала все ее содержимое на стол.

Майор Риддль и Пуаро с любопытством смотрели на эту коллекцию: там были два платка, пудреница, маленькая связка ключей, футляр для очков и маленький блестящий предмет, который сразу привлек внимание Пуаро.

— Клянусь, это пуля! — воскликнул майор Риддль.

По форме предмет действительно очень напоминал пулю, однако это был всего-навсего маленький карандаш.

— Вот, что я подняла, — сказала мисс Лингارد, — но я совсем об этом забыла.

— Мисс Лингارد, вы знаете, чей он?

— О, да, полковника Бэрри. Он сделал карандаш из пули, которой был ранен или которая пролетела мимо — точно не помню, во время Южно-Африканской войны.

— Когда вы у него видели этот карандаш в последний раз?

— Сегодня днем, во время игры в бридж. Когда я вошла, он этим карандашом что-то писал.

— А кто еще играл в бридж?

— Полковник Бэрри, леди Шевени-Гор, мистер Трент и мисс Кардвелл.

— Я думаю, — мягко сказал Пуаро, — мы сами вернем его полковнику.

— Пожалуйста. У меня такая плохая память, что я могу об этом забыть.

— Будьте так любезны, мадемуазель, пригласите сюда полковника Бэрри.

— С удовольствием. Я сейчас его найду.

Она поспешно вышла, а Пуаро, поднявшись, стал бесцельно прохаживаться по комнате.

— Теперь у нас вырисовывается ясная картина это-

го дня, — обратился он к майору Риддлю. — Очень интересно! В половине третьего сэр Жерве работает с капитаном Лейком и выглядит слегка озабоченным. В три часа, когда он обсуждает книгу с мисс Лингард, он ужасно расстроен. Мисс Лингард полагает, что в такое состояние его повергла мысль о Гуго Тренте, чье имя ассоциируется с именем их «неудачного» предка. За чаем — ведет себя как обычно. После чая, по словам Годфри Бэрроуза, сэр Жерве пребывает в очень хорошем расположении духа. Без пяти минут восемь он идет к себе в кабинет, пишет одно только слово «ПРОСТИТЕ» и стреляется!

— Я понимаю, что вы хотите этим сказать, — медленно произнес Риддль. — Все выглядит очень нелогично.

— Странная смена настроений сэра Жерве Шевени-Гор! Он озабочен — он ужасно расстроен — он в своем обычном настроении — он в очень хорошем расположении духа! За всем этим кроется что-то любопытное! А потом его фраза «Слишком поздно», относящаяся к моему приезду, Это истинная правда, Я действительно опоздал увидеть его живым.

— И вы думаете?..

— Теперь я уже никогда не узнаю, с какой целью пригласил меня сэр Жерве.

Пуаро продолжал прохаживаться по комнате; внимательно осмотрел карточный стол, стоявший у стены, открыл один из его ящиков; подошел к камину и переставил там статуэтки, затем вдруг нагнулся над корзиной для бумаг. В ней лежал только пустой бумажный пакет. Пуаро вынул его, понюхал — апельсины — потом аккуратно расправил и прочел название фирмы: «Карпентер энд Сан» — Гамбург. Когда он начал его складывать, в комнату вошел полковник Бэрри.

Глава VIII

Полковник тяжело опустился в кресло, покачал головой, и вздохнул.

— Все это ужасно, Риддль! Леди Шевени-Гор потрясающая женщина! Женщина с большой буквы! Столько самообладания и выдержки!

Пуаро, бесшумно подойдя к своему креслу, сказал:

— Мне кажется, вы знаете ее уже много лет?

— Да. Я был еще на ее первом балу. До сих пор помню: у нее в волосах — бутоны роз, а сама она — в пышном белом платье. К ней просто страшно было прикоснуться!

Пуаро протянул ему карандаш.

— Это ваш?

— Благодарю вас. Я всегда им пользуюсь, когда играю в бридж.

— Вы играли в бридж до чая? В каком настроении пребывал сэр Жерве?

— Как обычно. Никогда бы не подумал, что он помышлял о самоубийстве. Сейчас, правда, мне кажется, он был немного возбужден.

— Когда вы видели сэра Жерве последний раз?

— За чаем. Больше я уже беднягу не видел.

— И вы не заходили в кабинет после чая?

— Нет.

— Когда вы спустились к обеду?

— Как только услышал первый гонг.

— Вы и леди Шевени-Гор спустились вместе?

— Нет, мы встретились в холле. Я думаю, она перед этим была в столовой, проверяла, как там расставлены цветы.

— Вы не будете возражать, полковник, если я задам вопрос, касающийся вас лично? Скажите, не возникали ли у вас недоразумения с сэром Жерве из-за вашей компании?

Лицо полковника стало пунцовым, и он быстро сказал:

— Вовсе нет. Вовсе нет. Старина Жерве был просто очень безрассудным человеком. Вы должны об этом помнить. Он ожидал, что все его поступки должны вызывать хвалебные гимны! Не понимал, что мир находится в кризисе.

— Значит, все-таки у вас были недоразумения?

— Да, нет же! Это только его проклятое безрассудство!

— Он час винил в каких-то своих неудачах, потерях?

— Жерве был ненормальным! Ванда знала это, но всегда умела с ним договориться, и я предпочитал доверять ей во всем.

Пуаро кашлянул и посмотрел на него, майор Риддль сменил тему разговора.

— Вы старый друг семьи, полковник Бэрри, поэтому вам, вероятно, известно, как сэр Жерве распорядился своим состоянием?

— Я думаю, большая часть должна достаться Руфи.

— Вы не считаете, что это несправедливо по отношению к Гуго Тренту?

— Жерве не любил Гуго. Просто терпеть его не мог!

— Но у него было сильно развито чувство клана, а мисс Шевени-Гор — всего-навсего его приемная дочь.

Поколебавшись, полковник Бэрри сказал:

— Послушайте, пожалуй будет лучше, если я вам кое-что расскажу. Только это строго между нами.

— Безусловно.

— Руфь — приемная дочь, но тем не менее она все равно принадлежит к роду Шевени-Гор. Она — дочь брата Жерве, Энтони, который погиб во время войны. У него был роман с какой-то машинисткой. Когда Энтони погиб, она написала Ванде. Ванда поехала с ней познакомиться — девушка ждала ребенка. Ванде как раз в это время врачи сказали, что она не сможет больше иметь детей. Ванда поговорила с Жерве, и вопрос был решен: когда девочка родилась, они ее удочерили официально. Мать отказалась от всех прав на нее, и они воспитали Руфь как свою собственную дочь. Посмотрите только на нее: она истая Шевени-Гор!

— Ах, так! — воскликнул Пуаро. — Теперь это проясняет поступок сэра Жерве. Но если он так не любил мистера Гуго Трента, почему же он настаивал на браке между ним и мадемуазель Руфью?

— Чтобы упорядочить семейные дела.

— Даже несмотря на то, что не любил и не доверял этому молодому человеку?

Полковник Бэрри фыркнул.

— Тогда вы совсем не имеете представления о Жерве! Для него люди были пешками. Он считал, что Руфь и Гуго должны пожениться, чтобы Гуго смог взять фамилию Шевени-Гор, а чувства Руфи и Гуго для него не имели никакого значения. Важно лишь то, что он считал этот союз подходящим.

— И мадемуазель Руфь дала согласие?

— Она?! Она же бешеная!

— А вам было известно, что незадолго до своей смерти сэр Жерве написал новое завещание, по которому мисс Шевени-Гор могла получить свою часть наследства только в том случае, если она выйдет замуж за мистера Трента?

От удивления полковник присвистнул.

— Значит, он действительно что-то учуял о ее связи с Бэрроузом?

Как только эта фраза слетела с его языка, он понял, что сказал лишнее, но было уже поздно.

— Так, значит, у мадемуазель Руфи и мсье Бэрроуза какие-то личные отношения?

— Не уверен, что... Возможно, ничего такого и нет. Майор Риддль откашлялся и сказал:

— Я думаю, полковник, вы должны рассказать нам все, абсолютно все, что вы знаете. Может, мы тогда поймем, что повлияло на настроение сэра Жерве.

— Возможно, — с сожалением произнес полковник Бэрри, — Бэрроуз парень довольно смазливый, во всяком случае, по мнению некоторых женщин. Так вот, они слишком подружились с Руфью, и это не нравилось Жерве. Уволить Бэрроуза он боялся: это повлияло бы на его дела. В то же время он хорошо знал характер Руфи, знал, что она не управляема и не признает никакого диктата. Поэтому, я думаю, он и изменил свое завещание. Руфь не из той породы девушек, которые всем жертвуют ради любви. Она достаточно практична.

— А каково ваше личное мнение о мистере Бэрроузе?

Полковник, не задумываясь, заявил, что Годфри Бэрроуз напоминает ему плохо объезженного жеребенка. Это поставило Пуаро в тупик, а майор Риддль улыбнулся в усы.

Ответив еще на несколько незначительных вопросов, полковник Бэрри отбыл.

Риддль взглянул на Пуаро, поглощенного своими мыслями.

— Как вы на все это смотрите, мсье Пуаро?

Маленький человечек развел руками.

— Мне кажется, я вижу какую-то продуманную схему.

— Трудно вас понять.

— Это действительно трудно. Все больше и больше

фраз, которые я услышал, начинают обретать важный смысл.

— Например?

— Вы помните, как Гуго Трент, смеясь, говорил об убийстве?

— Ваши мысли все время направлены в одну сторону! — резко сказал Риддль.

— Разве вы не согласны со мной, мой друг, что чем больше мы узнаем, тем меньше мы видим мотивов для самоубийства? Что же касается убийства, то как раз для него мотивов набралось предостаточно.

— Но вы не должны забывать и тот факт, что дверь оказалась заперта, а ключ обнаружен в кармане сэра Жерве! Я, конечно, понимаю, что существует множество способов закрыть дверь. Но в данном случае мне это кажется весьма проблематичным.

— Тем не менее, давайте будем рассматривать происшедшее как убийство, а не самоубийство.

— Ну, что ж, согласен; если появились вы, то это действительно может быть убийство!

Пуаро улыбнулся.

— Мне не особенно по душе ваш вывод, — и он погасил мимолетную улыбку.

— Подойдем к случившемуся как к убийству. В таком случае — что мы имеем? Выстрел в голову. В это время в холле находились четверо: мисс Лингард, Гуго Трент, мисс Кардвелл и Снэлл. Где были остальные? Бэрроуз, как он сам заявил, работал в библиотеке, однако подтвердить его слова никто не может. Остальные были в своих комнатах, но кто знает, так ли это в действительности! В холл они спустились каждый сам по себе. Даже леди Шевени-Гор и Бэрри встретились в холле, куда леди Шевени-Гор пришла из столовой. А откуда туда пришел Бэрри? Вполне возможно, что он пришел не из своей комнаты, а именно из кабинета. А история с его карандашом?

— Это все очень интересно, — заметил Пуаро. — Однако, он отреагировал совершенно спокойно, когда я вернул ему карандаш. Возможно, потому, что он не знал, где я его нашел, и не помнил, где его потерял? А теперь вспомним, с кем он играл в бридж? Гуго Трент и мисс Кардвелл. Четвертой была леди Шевени-Гор.

— И вы вполне серьезно можете ее подозревать?

— А почему бы и нет, мой друг? Что касается ме-

ня, то я в праве подозревать всех! Предположим, что несмотря на всю очевидную преданность своему мужу, она по-настоящему любит верного Бэрри?

Риддль хмыкнул.

— В таком случае, мы имеем дело с пресловутым любовным треугольником.

— И в этом треугольнике между сэром Жерве и полковником Бэрри были какие-то недоразумения. Возможно, что сэр Жерве становился опасным. К сожалению, мы досконально ничего не знаем. Тем не менее, в этом случае все хорошо укладывается в вашу схему: сэр Жерве подозревает, что Бэрри его обманывает, но не хочет предавать огласке свои семейные неурядицы, потому что тут замешана его жена. Да, такое вполне возможно, и у одного из этих двоих появляется определенный мотив. Но что странно, так это отношение леди Шевени-Гор к известию о смерти мужа: она восприняла его слишком спокойно. Правда, этому могла способствовать ее вера в загробную жизнь!

— Есть еще одна проблема, — сказал Пуаро, — это касается мисс Шевени-Гор и Бэрроуза. В их интересах не допустить, чтобы новое завешание было подписано.

— Да, и описанное им хорошее настроение сэра Жерве выглядит несправедливо. Это не соответствует тому, что мы слышали от остальных.

— А мистер Форбс? Корректен, серьезен, представитель старой и известной фирмы. Но бывали случаи, что и самые респектабельные адвокаты запускали руку в карман своих клиентов, когда сами оказывались на мели.

— Я думаю, Пуаро, вы ищите в этом деле что-то сенсационное.

— Вижу, вы считаете, что такое случается только в кино? Дело в том, майор Риддль, что жизнь очень часто удивительно схожа с синематографом.

— Вы правы, именно так и было в Вестшире, — ответил майор. — Давайте лучше закончим допрос остальных. Вы не против? Уже становится поздно. Мы еще не разговаривали с мисс Шевени-Гор, а она, возможно, самое важное действующее лицо, так мне кажется.

— Вы правы. Надо поговорить и с мисс Кардвелл. Давайте начнем с нее. Думаю, это не займет много времени, а потом уже побеседуем с мисс Шевени-Гор.

Глава IX

Когда Пуаро впервые увидел Сусанну Кардвелл, он не обратил на нее особого внимания. Теперь он внимательно ее рассмотрел. «Умное лицо, — подумал он, — довольно привлекательна и обладает тем шармом, которому позавидовала бы любая красавица. Великолепные волосы. Искусный макияж. Живой взгляд.»

После нескольких малозначащих вопросов майор Риддль спросил:

— Я не знаю, насколько вы, мисс Кардвелл, близки с этой семьей?

— Я вообще не была с ними знакома. Это Гуго сделал так, чтобы меня сюда пригласили.

— Вы друг Гуго Трента?

— Да. Я его девушка.

Произнося эти слова, Сусанна улыбнулась.

— Вы давно с ним знакомы?

— Нет. Около месяца.

Она замолчала и добавила:

— Мы помолвлены.

— И он привел вас сюда, чтобы представить своим родственникам?

— Боже мой, да ничего подобного! Мы все держали под большим секретом. Я просто хотела выяснить обстановку. Гуго сказал мне, будто здесь настоящий сумасшедший дом, и я подумала, что должна увидеть все собственными глазами. Гуго, бедняжка, ни в чем не может разобраться, у него голова не варит. Мы с Гуго находимся в затруднительном положении: у нас нет ни гроша, а сэр Жерве, на которого Гуго в основном рассчитывал, решил женить его на своей дочери. Гуго по своей слабости не ровен час решился бы на эту женитьбу, думая, что потом сможет развязаться.

— Вас такая идея не привлекала, мадемуазель? — мягко спросил Пуаро.

— Ни в коей мере! Руфь могла отказаться дать развод или случилось бы что-нибудь еще. Я решительно воспротивилась!

— Значит, вы приехали сюда, чтобы оценить обстановку?

— Да. Гуго оказался прав! Вся семейка оказалась чокнутой, за исключением Руфи, у которой с головой все в порядке. Она сама против этой женитьбы, — у нее есть свой собственный парень.

— Вы имеете в виду мсье Бэрроуза?

— Бэрроуза? При чем тут он! Руфь никогда бы не выбрала такого фальшивого парня, как этот.

— Кто же тогда предмет ее любви?

Сусанна Кардвелл помолчала, достала сигарету, закурила и спокойно сказала:

— Вам лучше спросить об этом у нее. В конце концов, это не мое дело.

Майор Риддль спросил:

— Когда вы в последний раз видели сэра Жерве?

— За чаем.

— Вы не заметили в его поведении чего-либо странного?

Девушка пожала плечами.

— Не более, чем обычно.

— Чем вы занимались после чая?

— Играли в бильярд с Гуго.

— Больше вы сэра Жерве не видели?

— Нет.

— Что вы можете сказать о выстреле?

— Это было довольно странно. Видите ли, мне показалось, что прозвучал первый гонг, я поспешно оделась, выбежала из комнаты — и тут услышала гонг. Решила, что это уже второй, и сломя голову помчалась по лестнице. В день приезда я всего на одну минуту опоздала к обеду, и Гуго сказала мне, что это может расстроить все наши планы, поэтому я очень боялась опоздать. Гуго шел впереди меня, и вот тогда мы и услышали этот звук — как пробка от шампанского. Снэлл сказал, что мы ошиблись, к тому же звук шел не из столовой. Мисс Линггард подумала, что это где-то наверху, потом мы решили: автомобиль проехал, и пошли в столовую.

— И у вас не промелькнула мысль, что сэр Жерве мог застрелиться?

— Разве мне могло такое придти в голову, позволить вас спросить?! Старик казался таким самодовольным... Никогда бы не подумала, что он на это спосо-

бен! Не могу представить, почему он застрелился. Думаю, он был просто псих.

— Несчастный случай? — спросил Пуаро.

— Да. Особенно для нас с Гуго. Боюсь, что он ничего не завещал Гуго. Или почти ничего.

— Кто вам это сказал?

— Гуго вытянул из Форбса.

— Мисс Кардвелл... — начал майор Риддль и, помолчав, продолжал, — у нас к вам больше нет вопросов. Как вы думаете, мисс Шевени-Гор в состоянии побеседовать с нами?

— Конечно. Я ей передам.

— Одну минуту, мадемуазель, — неожиданно вмешался Пуаро. — Вы раньше где-нибудь это видели?

И он протянул девушке карандаш полковника.

— О, да. Сегодня днем, когда мы играли в бридж. Эта штукавина принадлежит полковнику Бэрри.

— Скажите, а когда закончилась игра, он взял этот карандаш с собой?

— Не имею представления.

— Благодарю вас, мадемуазель. У меня — все.

— Чудесно. Пойду позову Руфь.

Мисс Шевени-Гор вошла в комнату походкой королевы, с высоко поднятой головой, однако в ее глазах, как и у Сусанны Кардвелл, сквозила настороженность. Руфь была одета в то же платье бледно-абрикосового цвета, которое Пуаро видел на ней при первом знакомстве в холле. К плечу она прикрепила темно-красную розу. Час назад цветок был еще свежим, но сейчас его головка печально поникла.

— Я слушаю.

— Извините, что вынуждены побеспокоить вас, — начал майор Риддль.

— Естественно, — резко оборвала его Руфь, — вы должны были побеспокоить меня, и не только меня. Вы должны побеспокоить всех. Но, чтобы облегчить вашу задачу, я могу вам сразу сказать, что не имею ни малейшего представления, почему Старец покончил с собой. Кроме того, этот поступок ни в коей мере не увязывается с его характером.

— Вы не заметили никаких странностей в его поведении сегодня? Может быть, он был в подавленном состоянии или, наоборот, излишне возбужден? Короче говоря, было ли в его поведении что-либо необычное?

— Не думаю. Я не заметила.

— Когда вы видели его в последний раз?

— За чаем.

— А позднее вы не заходили в кабинет? — спросил Пуаро.

— Нет.

— Хорошо. Мадемуазель, вам знаком этот карандаш?

— Да. Это полковника Бэрри.

— Вы видели у него этот карандаш сегодня?

— Не помню.

— Вы слышали о недоразумениях между полковником и вашим отцом из-за компании?

— Да. Он был из-за этого в бешенстве.

— Возможно, он считал, что его обманули?

Руфь пожала плечами.

— Он совершенно не разбирался в финансовых вопросах.

— Могу я, мадемуазель, взять на себя смелость задать вам нескромный вопрос? — спросил Пуаро.

— Пожалуйста, если это вам необходимо.

— Вы огорчены смертью отца?

Она с удивлением посмотрела на Пуаро.

— Конечно. Только я не вижу смысла в слезах. Мне будет недоставать его. Я любила Старца — так мы с Гуго всегда его называли. «Старец», вы понимаете, что мы имели в виду: что-то древнее, типа «патриарх», старейшина рода. Возможно, звучит непочтительно, но за этим в действительности скрываются любовь и уважение. В то же время он был очень сложным и самым упрямым старым ослом, который когда-либо жил на земле.

— Все это очень интересно, мадемуазель.

— У него были куриные мозги! Прошу прощения за эти слова, но он действительно не был способен ни на какую умственную работу, и в то же время он — Личность. Фантастически храбрый! Добрался до полюса, участвовал в дуэлях. Я думаю, он так неистовствовал, ибо прекрасно понимал, что ему недостает ума. Любой мог его обмануть.

Пуаро вынул из кармана письмо и протянул его девушке.

— Прочитайте, мадемуазель.

— Так вот почему вы приехали, — сказала Руфь, возвращая письмо.

— Это письмо вам ни о чем не говорит?

Она покачала головой.

— Нет. Но вполне возможно, он был прав. Каждый мог ограбить его. Бедняга. Джон говорил: «Человск, работавший на этом месте до меня, тащил все, что только мог». Видите ли, Старец был благодарен настолько, что никогда не снисходил до того, чтобы мелочиться. Он представлял собой прекрасную добычу для мошенников.

— Мадемуазель, вы полностью изменили наше представление о сэре Жерве.

— Он просто хорошо маскировался. Ванда во всем его поддерживала. Он был счастлив выступать в роли всемогущего Бога. Вот почему в какой-то степени я даже рада, что он умер. Для него это явилось сейчас лучшим выходом.

— Я не совсем вас понимаю, мадемуазель,

Руфь задумчиво сказала:

— Мания величия овладевала им все сильнее и сильнее, и, в конце концов, его бы отправили в лечебницу. Люди вокруг уже поговаривали об этом.

— Вы знали, мадемуазель, что он предполагал в своем завещании оговорить условие, по которому вы могли бы получить свою часть наследства только в том случае, если вы выйдете замуж за мистера Трента?

— Какой абсурд! — воскликнула Руфь. — Любой суд может это опротестовать! Я совершенно уверена, что никто не имеет права диктовать людям с кем им следует вступать в брак.

— Значит, будь завещание подписано, вы согласились бы с его условиями, мадемуазель?

Она с удивлением посмотрела на Пуаро.

— Я... я...

Замолчав, она какое-то время сидела в нерешительности, опустив глаза на свой покачивающийся туфелек. Маленький комочек земли слетел с каблука и упал на ковер.

— Подождите! — неожиданно воскликнула она.

Вскочив, Руфь выбежала из комнаты. Скоро она вернулась в сопровождении капитана Лейка.

— В конце концов, это все равно скоро обнаружится, — тяжело дыша, проговорила она. — Вы должны узнать об этом сейчас. Три недели назад в Лондоне мы с Джоном обвенчались.

Глава X

Капитан Лейк выглядел очень смущенным.

— Вот это сюрприз, мисс Шевени-Гор... я хотел сказать, миссис Лейк, — произнес майор Риддль. — И об этом никто не знал?

— Нет. Мы всё держали в тайне. Джону, правда, такое положение вещей не нравилось.

Слегка заикаясь, Лейк сказал:

— Я... я знаю, все это отвратительно. Я должен был сразу пойти к сэру Жерве.

В разговор вмешалась Руфь.

— Сказать ему, что ты хотел жениться на его дочери и получить по голове? А потом он мог лишить меня наследства, поднять черт знает какой шум в доме, а нам оставалось только умиляться тому, как честно мы поступили! Поверь мне, мой путь был более правильным. Что сделано, то сделано! Все равно, конечно, разразился бы скандал, но в конце концов, все бы обрзовалось.

Лейк выглядел очень несчастным, и Пуаро спросил:

— Когда вы собирались сообщить эту новость сэру Жерве?

— Я подготавливала почву, — ответила Руфь, — он с таким подозрением смотрел на нас с Джоном, что мне пришлось притвориться, будто меня интересует Годфри. Естественно, отец пришел в ярость. Тогда я подумала, что новость о моем замужестве с Джоном явится для него почти облегчением!

— И все-таки: кто знал о вашем замужестве?

— Я сказала Ванде. Мне было необходимо перетянуть ее на свою сторону.

— Вам удалось?

— Да. Видите ли, она не очень стремилась к моему браку с Гуго, я думаю, потому что он был моим кузеном. Мне кажется, она считала, что семья и без того ненормальная, а тут еще могут пойти сумасшедшие дети. Конечно, это абсурд. Я — всего-навсего приемная дочь, как вы знаете. Думаю, что я — ребенок какого-нибудь дальнего родственника.

— Вы считаете, сэр Жерве ничего не подозревал?

— О, нет!

— Это — так, капитан Лейк? — спросил Пуаро. — Вы твердо помните, что в вашем разговоре с сэром Жерве сегодня днем ни слова об этом не говорилось?

— Совершенно в этом уверен, сэр.

— Дело в том, капитан Лейк, что мы имеем показания о том, что после разговора с вами сэр Жерве был сильно взволнован. Кроме того, он несколько раз повторил о бесчестии семьи

Побледнев, Лейк твердо сказал:

— Об этом не говорилось ни слова.

— И когда вы в последний раз видели сэра Жерве?

— Я уже сказал вам, что после разговора я его больше не видел.

— Где вы были в восемь минут девятого?

— Как, где? У себя дома. Это — в конце деревни в полумиле отсюда.

— И вы не подходили близко к этому дому в это время?

— Нет.

Пуаро повернулся к девушке.

— А где были вы, мадемуазель, в то время, когда ваш отец застрелился?

— В саду.

— В саду? И вы слышали выстрел?

— Да. Но я не придавала ему никакого значения. Я подумала, что кто-то охотится на кроликов, однако сейчас я припоминаю, что мне он послышался как отдаленный.

— И вы вернулись домой... через какие двери?

— Через двери в гостиную.

— Кто в это время находился в гостиной?

— Никого. Правда, очень скоро туда из холла вошли Гуго, Сусанна и мисс Лингард. Они болтали что-то о выстрелах, убийствах и о чем-то еще.

— Понимаю. Да, теперь я, кажется, понимаю, — произнес задумчиво Пуаро.

Майор Риддль посмотрел на него с сомнением.

— Благодарю вас. Думаю, больше вопросов у нас нет.

Руфь с мужем вышли из комнаты.

— Какого черта, — начал майор Риддль и затем с безнадежностью в голосе продолжал:

— Мне становится все труднее и труднее разобраться в этом деле,

Пуаро кивнул. Наклонившись, он подобрал комочек земли, упавший с каблука Руфи, и задумчиво стал его рассматривать.

— Это — как-то разбитое зеркало на стене. Каждый новый факт дает возможность нам увидеть убитого под разным углом зрения. Он отражается в этом зеркале со всех сторон. Скоро у нас будет полная картина происшедшего.

Пуаро поднялся и аккуратно положил комочек земли в корзину для бумаг.

— Я скажу вам одну вещь, мой друг. Ключ к разгадке — в разбитом зеркале, поверьте мне.

Майор Риддль решительно сказал:

— Если это убийство, вы обязаны его раскрыть, но если вы спросите мое мнение, я вам скажу, что это определенно самоубийство. Вы помните, девушка говорила о бывшем агенте по недвижимости? Будто он обманывал сэра Жерве. Бьюсь об заклад, Лейк тоже рассказывал нам сказки в свою пользу. Вероятно, он тоже клал в карман, сэр Жерве заподозрил его и послал вам письмо, не зная, как далеко зашли у Лейка отношения с его дочерью. А сегодня днем Лейк заявил, что женился на Руфи. Это довело сэра Жерве до крайности, и он решил покончить с собой. «Слишком поздно» было что-то предпринимать. У него и до этого была неуравновешенная психика, а эта новость его добила. Вот моя точка зрения. Вы можете меня опровергнуть?

Пуаро молча стоял посредине комнаты.

— Что мне вам ответить? Ваша теория не учитывает многие факты.

— Какие?

— Несответствия в показаниях о настроении сэра Жерве сегодня: найденный карандаш полковника Бэрри; показания мисс Кардвелл — а они очень важны; показания мисс Лингард, касающиеся порядка, в котором все спустились к обеду; положение кресла сэра Жерве, в котором он был обнаружен мертвым; корзина для бумаг, где лежал пустой пакет из-под апельсинов и, наконец, самое важное — разбитое зеркало.

Майор Риддль с удивлением спросил:

— Вы хотите сказать, что вся эта пустая болтовня имеет смысл?

— Надеюсь, — тихо ответил Эркюль Пуаро, — завтра я смогу вам это доказать.

Глава XI

На следующий день Эркюль Пуаро проснулся на расвете. Его поместили в комнате, находящейся в восточном крыле дома. Поднявшись, он отдернул штору и увидел, что солнце уже встало, и утро обещает быть чудесным.

Он начал одеваться с обычной своей тщательностью. Закончив туалет, Пуаро надел теплое пальто и закутал шею шарфом. Затем он на цыпочках вышел из комнаты и через спящий дом прошел в гостиную. Там он осторожно открыл дверь и вышел в сад.

Солнце только что встало над горизонтом. В воздухе витал туман, как обычно бывает перед ясным днем. Эркюль Пуаро прошел по террасе до окон кабинета. Здесь он остановился. Под окном была полоса газона, тянувшаяся вдоль дома, затем шел широкий цветочный бордюр, засаженный астрами, живописно окаймляющий выложенную плитками дорожку, на которую вышел Пуаро. Полоска газона тянулась до самой террасы. Пуаро тщательно осмотрел ее и покачал головой. Все его внимание было привлечено к цветочному бордюру: с правой стороны на нем виднелись отчетливые следы. Пока он, нахмурившись, их рассматривал, послышался какой-то звук, и Пуаро резко выпрямился. Над ним находилось распахнутое окно, в котором он увидел ореол золотых волос и умное лицо Сусанны Кардвелл.

— Что вы здесь делаете в такой ранний час, мсье Пуаро? Идете по следу?

Пуаро почтительно поклонился.

— Доброе утро, мадемуазель. Вы правы. Перед вами детектив — великий детектив, могу вас уверить, занимающийся расследованием.

Сусанна выслушала эту цветистую тираду, склонив к плечу голову.

— Я, видимо, должна запомнить ваши слова для своих мемуаров. Может быть, я могу вам помочь? — спросила она.

— Буду счастлив, мадемуазель.

— Сначала я приняла вас за взломщика. Как вы выбрались из дома?

— Через дверь гостиной.

— Подождите минутку, я сейчас к вам выйду.

Через минуту она была уже рядом с Пуаро, который продолжал исследовать бордюр.

— Вы рано просыпаетесь, мадемуазель?

— Я не могла спать. Меня преследовало ощущение, будто я должна встать в пять часов утра.

— Но сейчас уже не пять часов.

— И тем не менее такое чувство у меня было. Ну, а теперь, мой супер-сыщик, что мы намереваемся искать?

— Посмотрите на эти следы, мадемуазель.

— Вижу.

— Их всего четыре, — продолжал Пуаро, — я вам сейчас покажу. Два следа — по направлению к окну, два — от окна.

— Чьи они? Садовника?

— Мадемуазель, мадемуазель! Эти следы оставлены маленькой дамской туфелькой на высоком каблуке. Убедитесь сами: встаньте рядом с этими отпечатками.

Поколебавшись, Сусанна встала туда, куда ей показал Пуаро. На ней были маленькие коричневые туфли на высоком каблуке.

— Посмотрите, почти тот же размер. Почти, но не совсем. У той, которая оставила этот отпечаток, размер немного больше. Возможно, следы принадлежат мисс Шевени-Гор, или мисс Лингард, или леди Шевени-Гор.

— Нет, у леди Шевени-Гор очень маленький размер. Не понимаю, как в ее время женщинам удавалось иметь такие ноги. А мисс Лингард носит туфли на сплошной подошве.

— Значит, эти следы оставила мисс Шевени-Гор. Ах, да, я помню, она упомянула, что вчера вечером выходила в сад.

Пуаро направился к дверям.

— Мы все еще занимаемся расследованием? — спросила Сусанна.

— Конечно. Мы идем в кабинет сэра Жерве.

Сусанна последовала за Пуаро.

Дверь кабинета все так же висела на петлях. Внутри комнаты все оставалось по-прежнему. Пуаро раздвинул шторы и в течение нескольких минут стоял, рассматривая бордюр из цветов, затем обернулся к Сусанне и сказал:

— Мадемуазель, я думаю, у вас нет большого опыта знакомства с грабителями?

Сусанна с сожалением покачала своей золотистой головкой.

— Боюсь, что нет, мсье Пуаро.

— Майор Риддль тоже не поддерживает с ними дружеских отношений и ограничивается строго официальными. У меня же все по-другому. Однажды у меня был очень приятный разговор со взломщиком. Он рассказал мне интересную вещь о таких вот двустворчатых дверях — трюк с помощью которого можно их открыть, если запор достаточно свободный.

Говоря это, он повернул ручку левой створки двери и потянул обе створки на себя. Широко распахнув, он снова ее прикрыл, не поворачивая ручку. Выпустив ее, он резко ударил по замку — замок защелкнулся, ручка повернулась.

— Вы видите, мадемуазель?

— Да. — Сусанна побледнела.

— Теперь дверь закрыта. Невозможно войти в комнату, когда дверь закрыта, но вполне возможно выйти из нее и таким образом запереть снаружи. Дверь будет заперта, и каждый, кто посмотрит на нее, решит, что она заперта изнутри.

— Это... это и произошло вчера вечером? — спросила Сусанна. Ее голос слегка дрожал.

— Думаю, что так, мадемуазель.

— Не могу в это поверить! — с отчаянием воскликнула девушка.

Пуаро не ответил. Он подошел к камину и вдруг резко повернулся к Сусанне.

— Мадемуазель, вы мне нужны, как свидетель. Один свидетель у меня есть. Это — мистер Трент. Он видел, как я нашел вчера этот крошечный кусочек зеркала. Я сказал ему об этом и оставил на том же месте, чтобы показать полиции. Кроме того, я сказал майору, что разбитое зеркало — очень важная улика, но он не понял моего намека. Теперь я беру вас, мадемуазель, в свидетели тому, что я кладу этот кусочек зеркала в конверт и запечатываю его. Вы свидетельствуете это, мадемуазель?

— Да. Но... но я не понимаю, что все это значит?

Пуаро подошел к письменному столу и посмотрел на разбитое зеркало.

— Я сейчас объясню вам, что это значит. Если бы вы вчера были здесь и посмотрели в это зеркало, вы бы смогли увидеть, что совершается убийство.

Глава XII

Впервые в жизни Руфь Шевени-Гор — теперь Руфь Лейк — спустилась к завтраку вовремя. Находившийся в холле Эркюль Пуаро воспользовался удобным случаем и отвел ее в сторону до того, как она прошла в столовую.

— У меня к вам один вопрос, мадам.

— Я вас слушаю.

— Когда вы вчера выходили в сад, вы, случайно, не наступили на цветы под окном кабинета сэра Жерве?

Руфь удивленно на него посмотрела.

— Да. Два раза.

— Два раза? Как так?

— Первый раз, когда срывала астры. Это было около семи вечера.

— Мне кажется, вы выбрали неподходящее время.

— Конечно. Но дело в том, что утром я поставила во все вазы цветы, а после чая Ванда сказала, что к обеду нужно поставить свежие цветы. Поэтому около семи я пошла в сад. Я решила рвать астры около окон кабинета, потому что это место не бросается в глаза.

— Я понял. А когда вы выходили в сад второй раз?

— Перед самым обедом. Я поставила пятно на платье, как раз на плечо. Мне не хотелось снова переодеваться, и тут я вспомнила, что когда рвала астры, то заметила одну розу, поэтому я выбежала за ней в сад и приколола ее к плечу.

Пуаро кивнул.

— Да, я помню эту розу на вашем платье. Сколько было времени, мадам, когда вы рвали эту розу?

— Я точно не помню.

— Но это очень, очень важно, мадам. Постарайтесь вспомнить.

Руфь нахмурилась. Бросив мимолетный взгляд на Пуаро, она отвела глаза.

— Я точно не помню, — наконец сказала она. — Где-то около пяти минут девятого. Когда я возвраща-

лась, я услышала звук гонга, а потом этот непонятный хлопок. Я очень спешила, так как решила, что это уже второй удар гонга, а не первый.

— Почему тогда вы не вошли через двери в кабинет? Ведь так было ближе.

— Я хотела, но двери оказались запертыми.

— Я вас поздравляю, мадам. Теперь вы все объяснили.

Она с удивлением посмотрела на Пуаро.

— Что вы имеете в виду?

— У вас есть объяснения на все: откуда на вашем каблучке оказался комочек земли, почему ваши следы были на бордюре и, наконец, почему на дверях в кабинет остались отпечатки ваших пальцев. Все очень хорошо объясняется.

Руфь не успела ответить — по лестнице торопливо спускалась мисс Лингард. На ее щеках горели красные пятна. Увидев стоящих рядом Руфь и Пуаро, она немного опешила.

— Извините. Что здесь происходит?

— Мне кажется, мсье Пуаро сошел с ума! — зло сказала Руфь.

Она резко повернулась и пошла в столовую. Мисс Лингард удивленно посмотрела на Пуаро.

Пуаро покачал головой.

— Я все объясню после завтрака. Мне бы хотелось, чтобы все собрались в десять часов в кабинете сэра Жерве.

Когда он вошел в столовую, он снова повторил свою просьбу всем присутствующим.

Бросив на него быстрый взгляд, Сусанна Кардвелл посмотрела на Руфь.

— А в чем дело? — спросил Гуго, но, получив сильный толчок в бок, послушно замолчал.

Закончив завтрак, Пуаро достал свои большие старомодные часы и сказал:

— Сейчас без пяти десять. Жду вас всех через пять минут в кабинете.

* * *

Пуаро оглянулся. На него со всех сторон смотрели полные любопытства глаза. Он не увидел только одного лица, но в этот момент оно появилось в дверях. Ле-ди Шевени-Гор вошла своей легкой, скользящей походкой. Она выглядела измученной и больной. Пуаро по-

двинул ей кресло, и она села. Бросив взгляд на разбитое зеркало, она вздрогнула.

— Жерве все еще здесь, — спокойно сказала она. — Бедняга, скоро он будет свободен.

Откашлявшись, Пуаро сказал:

— Я попросил вас здесь собраться, чтобы вы узнали о некоторых фактах самоубийства сэра Жерве.

— Это — Судьба, — сказала леди Шевени-Гор. — Жерве был сильным человеком, но его Судьба оказалась сильнее.

Полковник Бэрри наклонился к ней.

— Ванда, дорогая...

Улыбнувшись, она протянула ему руку и тихо произнесла:

— Нет, ты умеешь чудесно успокаивать.

— Значит мы должны понимать, мсье Пуаро, — резко сказала Руфь, — что вы установили причину самоубийства моего отца?

Пуаро покачал головой.

— Нет, мадам.

— Тогда к чему вся эта болтовня?

— Я не знаю причину самоубийства сэра Жерве Шевени-Гор, — спокойно ответил Пуаро, — потому что сэр Жерве Шевени-Гор не совершал самоубийства. Он не застрелился. Его застрелили.

— Застрелили?! — повторило эхо голосов со всех сторон.

Недоумевающие лица смотрели на Пуаро.

Леди Шевени-Гор покачала головой.

— Застрелили? О, нет!

— Вы сказали, его застрелили?! — воскликнул Гуго. — Невозможно! Ведь когда мы вчера вошли, никого в комнате не было, и окна были закрыты. Кроме того, дверь оказалась запертой изнутри, а ключ лежал у дяди в кармане. Как же он мог быть убит?

— Тем не менее он был убит.

— И убийца сбежал через замочную скважину, — скептически заметил полковник Бэрри, — или, может быть, вылетел через каминную трубу?

— Убийца вышел через двери в сад, — сказал Пуаро, — я сейчас вам покажу.

Показав, каким образом можно закрыть двери, Пуаро вернулся к присутствующим.

— Теперь вы видите, как это было сделано! С самого начала я не верил, что сэр Жерве способен на са-

моубийство. Человек с манией величия никогда не способен убить себя. Кроме того, имеются и другие факты. Очевидно то, что перед самой смертью он написал на листе бумаги слово «ПРОСТИТЕ», затем почему-то повернул кресло боком к столу. Почему? Видимо, была какая-то причина. Для меня стало все проясняться, когда я нашел на камине маленький кусочек зеркала, прилипший к основанию тяжелой бронзовой статуэтки. Тогда я спросил самого себя, как мог кусочек зеркала оказаться на статуэтке? Ответ оказался прост: зеркало было разбито не пулей, оно было разбито этой статуэткой. И разбито с определенной целью. Но зачем? Я подошел к столу и посмотрел на кресло. Ни один самоубийца не будет переставлять кресло, перегибаться через подлокотник и затем... стреляться. Здесь все было переставлено для инсценирования самоубийства.

А теперь я подхожу к очень важному моменту: свидетельские показания мисс Кардвелл. Мисс Кардвелл сообщила, что когда она спускалась по лестнице, она услышала звук гонга и решила, что это уже второй гонг, так как первый, как ей показалось, она уже слышала. Подумайте, куда бы отскочила пуля, если бы при выстреле сэра Жерве сидел в нормальном положении за письменным столом? Она прошла бы по прямой через дверь, если бы дверь была открыта, и попала в гонг! Теперь вы понимаете, насколько важны показания мисс Кардвелл? Никто, кроме нее не слышал этот первый гонг, но ее комната находится как раз над помещением, где висит гонг, поэтому она и услышала этот звук. Он был очень тихий.

Я считаю, что утверждать, будто сэра Жерве покончил с собой, нет никакого смысла. Мертвый не смог бы встать, закрыть и запереть дверь, а затем сесть в кресло! Во всем этом был замешан кто-то еще, поэтому я и считаю, что произошло не самоубийство, а убийство. Некто, чье присутствие вполне естественно для сэра Жерве, стоит рядом с ним. Возможно, сэра Жерве что-то лижет. Убийца подносит пистолет справа и стреляет в голову. Все кончено! Теперь быстро за работу! Убийца надевает перчатки. Дверь заперта, ключ положен в карман сэра Жерве. Но предположим, что звук гонга, в который ударила пуля, был услышан. Тогда станет ясно, что дверь была открыта, а не заперта, когда прозвучал выстрел. Поэтому тело повернуто в такое положение, и намеренно разбито зеркало.

После этого убийца выходит через двери в сад, закрывает их и, выходя, наступает на цветочный бордюр, где следы легко уничтожаются, затем направляется в гостиную.

Помолчав, Пуаро продолжал:

— Когда прозвучал выстрел, в саду находился только один человек. Этот человек и оставил следы на бордюре и отпечатки пальцев на дверях.

С этими словами он приблизился к Руфи.

— Кроме того, существовал определенный мотив, разве не так? Ваш отец узнал о тайном браке и собирался лишить вас наследства.

— Это ложь! — в голосе Руфи звучало презрение. — В вашем предположении нет ни слова правды. От начала до конца это ложь!

— Все свидетельствует против вас, мадам. Может быть, суд вам и поверит, а может, и нет.

— Она не предстанет перед судом.

Все с удивлением повернули голову. Мисс Лингард поднялась со своего места. Ее лицо исказилось. Она вся дрожала.

— Я убила его. Признаюсь. У меня были на то причины. Я... я долго ждала. Мсье Пуаро совершенно прав. Я пошла за Жерве в кабинет. Заранее я вынула из ящика стола пистолет. Я стояла рядом с ним, говорила о книге — пистолетом я выстрелила. Это произошло после восьми. Пуля ударила по гонгу. Я не могла даже предположить, что она пройдет сквозь голову. У меня не было времени выйти и поискать ее. Я заперла дверь и положила ключ ему в карман. Потом я повернула кресло боком к столу, разбила зеркало и, написав на листе слово «ПРОСТИТЕ», вышла в сад, заперев снаружи двери точно таким же способом, как показал вам мсье Пуаро. Я шагнула прямо на цветы, но сразу же сравняла следы граблями, которые приготовила заранее. Затем я обошла дом и вошла в гостиную. Я не встретила Руфи, так как огибала дом с другой стороны. Я подождала в гостиной, пока не услышала, что кто-то спускается по лестнице, а Снэлл направился к гонгу, и тогда я...

Она посмотрела на Пуаро.

— Вы не догадываетесь, что я потом сделала?

— Почему же? Я нашел в гостиной в корзине для бумаг пустой пакет. Вы очень хорошо все продумали. Так любят делать дети. Вы надули пакет и потом

стукнули им. Звук был достаточно сильным. Вы выбросили этот пакет в корзину и выбежали в холл. Вы сфальсифицировали точное время самоубийства и создали себе прекрасное алиби. Вас теперь волновало только одно: у вас не оставалось времени, чтобы найти пулю. Она должна была находиться где-то в районе гонга. Было очень важно, чтобы пуля была обнаружена в кабинете, около разбитого зеркала. Я не знаю, что за идея пришла вам в голову, когда вы подобрали карандаш полковника Бэрри.

— А было так, — сказала мисс Лингард, — когда мы все вошли из холла в гостиную, я была поражена, увидев там Руфь. Я поняла, что она, вероятно, вошла в гостиную через двери из сада. Потом я увидела карандаш полковника на столе. Я взяла его и положила в сумку. Если бы потом кто-нибудь заметил, как я поднимаю пулю, я бы сделала вид, что поднимаю этот карандаш. Однако я не думаю, что кто-нибудь видел, как я взяла пулю. Я уронила ее возле зеркала, когда вы осматривали тело, и во время нашего с вами разговора я очень обрадовалась, что вспомнила о карандаше.

— Да, все было сделано очень умно. Это меня сбило с толку окончательно.

— Я очень боялась, что кто-нибудь услышит выстрел, но все перседевались к обеду в своих комнатах, а слуги находились на своей половине. Единственной, кто мог слышать выстрел, была мисс Кардвелл, но она бы приняла его за звук проходящей машины. А вот звук гонга она действительно слышала. Я думала... я думала, все шло без помех.

— Необыкновенная история, — сказал своим нетропливым педантичным тоном мистер Форбс. — Но кажется, нет никакого мотива...

— Мотив есть, — перебила его мисс Лингард и яростно добавила, — а теперь звоните в полицию? Чего вы ждете?

— Будьте любезны, оставьте нас двоих, — обратился Пуаро к окружающим, — мистер Форбс, позвоните майору Риддлю. Я побуду здесь до его прихода.

Медленно, по одному все выходили из комнаты. Озадаченные, ничего не понимающие, потрясенные услышанным, они бросали смущенные взгляды на аккуратную, держащуюся прямо седую женщину.

Последней выходила Руфь. Она задержалась в дверях.

— Я не понимаю, — с вызовом обратилась она к Пуаро, — только что вы говорили, будто это сделала я.

— Нет, нет, — Пуаро отрицательно покачал головой. — Я никогда так не думал.

Руфь медленно вышла.

Пуаро остался вдвоем с маленькой аккуратной женщиной средних лет, которая только что призналась в хорошо запланированном хладнокровном убийстве.

— Конечно, — сказала мисс Лингард. — Вы и не думали, что убийство совершила она. Вы специально обвинили ее, чтобы заставить признаться меня. Разве не так?

Пуаро кивнул.

— Пока мы ждем, — сказала мисс Лингард тоном обычной беседы, — вы могли бы мне рассказать, что заставило вас подозревать меня.

— Во-первых, ваши слова о сэре Жерве. Такой гордый человек, как сэр Жерве, никогда не будет пренебрежительно говорить о своем племяннике с посторонним человеком, особенно занимающим в его доме такое положение, как ваше. Вы хотели упрочить вашу теорию о самоубийстве. Более того, вы рискнули предположить, что причиной самоубийства был бесчестный поступок Гуго Трента. Об этом сэр Жерве тоже никогда бы не сказал чужому человеку. Кроме того, был еще предмет, который вы подняли в холле, и тот важный факт, что вы даже не упомянули, как Руфь вошла в гостиную именно из сада. Потом я нашел бумажный пакет — совсем неподходящий предмет для гостиной такого дома, как этот! Только вы были в гостиной, когда раздался «выстрел», который все слышали. Трюк с пакетом мог придти в голову только женщине. Все сходилось: попытка бросить тень вины на Гуго и отвести подозрение от Руфи. Механизм преступления — и его мотив.

Маленькая женщина вздохнула:

— Так вы знаете мотив?

— Думаю, что да. Мотив — счастье Руфи! Я могу предположить, что вы видели ее с Джоном Лейком и обо всем догадывались. Имея доступ к документам и бумагам сэра Жерве, вы могли увидеть его новое завещание — Руфь лишается наследства в случае отказа

выйти замуж за Гуго Трента. Это заставило вас выступить в роли олицетворения закона, используя тот факт, что сэр Жерве написал мне письмо. Возможно, вы видели копию письма ко мне. Какие чувства подтолкнули его написать это письмо, но я знаю. Вероятно, у него были подозрения, что Бэрроуз или Лейк систематически его обкрадывали. Его сомнения относительно симпатий Руфи заставили его прибегнуть к частному расследованию. Вы использовали этот факт и инсценировали самоубийство, утверждая, что сэр Жерве был необычайно встревожен и подавлен из-за Гуго Трента. Вы послали мне телеграмму, а потом заявили, что сэр Жерве, узнав о моем приезде, сказал «слишком поздно».

Мисс Лингард зло сказала:

— Жерве Шевени-Гор был хвастун, сноб и пусто-звон! Я не хотела допустить, чтобы он разрушил счастье Руфи.

Пуаро тихо спросил:

— Руфь — ваша дочь?

— Да. Она — моя дочь. Я часто думала о ней. Когда я узнала, что сэр Жерве Шевени-Гор искал человека, чтобы помочь ему написать семейную хронику, я ухватила за этот шанс. Мне очень хотелось увидеть мою... мою девочку. Я была совершенно уверена, что леди Шевени-Гор меня не узнает: прошло уже много лет, я тогда была молодой и довольно привлекательной, к тому же я переменила фамилию. Кроме того, леди Шевени-Гор — очень рассеянный человек. Мне она всегда нравилась, но семью Шевени-Гор я ненавидела. Они все считали меня ничтожеством. И вот я узнала, что Жерве собирается разрушить жизнь Руфи из-за своей гордости и снобизма. Тогда я решила, что она должна быть счастлива. И она будет счастлива, если только никогда не узнает обо мне!

В ее голосе прозвучала мольба. Пуаро наклонил голову и тихо сказал:

— От меня никто ничего не узнает.

— Благодарю вас, — спокойно сказала мисс Лингард.

* * *

Позднее, когда приехала полиция, Пуаро увидел Руфь Лейк с мужем в саду. Она с вызовом обратилась к Пуаро:

— Вы действительно думали, мсье Пуаро, что это сделала я?

— Я был уверен, мадам, что вы не могли этого сделать... из-за астр.

— Из-за астр? Я вас не понимаю.

— Мадам, на бордюре было только четыре следа, и если вы там рвали цветы, следов должно было быть значительно больше. Это значит, что между вашим первым и вторым выходом в сад кто-то разравнивал землю. Это мог сделать только убийца, а так как ваши следы остались, значит этим человеком были не вы. С вас автоматически снималось подозрение.

Лицо Руфи просветлело.

— Я понимаю. Но, это все ужасно, хотя мне очень жаль бедную женщину. Она призналась, чтобы не допустить моего ареста, во всяком случае, она так думала. Это очень благородно с ее стороны. Мне очень неприятно думать, что она предстанет перед судом за убийство.

— Не тревожьтесь, — мягко сказал Пуаро, — до этого не дойдет. Врач сказал, что у нее очень плохое сердце, и она не доживет до суда.

— Я рада, — Руфь сорвала осенний крокус и коснулась им щеки, — бедная женщина, зачем она это сделала?..

АГАТА КРИСТИ

Разбитое зеркало

В первый момент все стояли у порога, как вкопанные, не решаясь войти в комнату. Кабинет был ярко освещен. Слева у стены стоял массивный письменный стол из красного дерева. В кресле, рядом со столом, виднелась фигура человека, сидевшего спиной к двери. Его голова и вся верхняя часть тела свесилась через подлокотник, рядом на ковре лежал маленький револьвер.

2,50